

Саша Ардаша

Магические часы

18+

Саша Ардаша

Магические часы

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Магические часы / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Это роман-приключение, в котором переплетаются путешествия, историческая фантастика, альтернативная история, мистика и философские размышления о свободе выбора, ответственности и природе времени.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Магические часы

Глава 1

Я никогда не верил в чудеса. Нет, в детстве, конечно, как и все, искал клады, представлял, что старые заброшенные дома скрывают тайны, а в лесу можно встретить что-то необъяснимое. Но годы сделали меня прагматиком. Если вещь выглядит странно значит, у нее есть объяснение. Именно поэтому в тот осенний день я не придал особого значения старым карманным часам. Все началось совершенно случайно. Я решил провести выходные вдали от города. Старый лес, почти забытая деревня и полуразрушенная усадьба, о которой местные рассказывали множество легенд, казались отличным местом, чтобы отвлечься от повседневной суеты. Дом выглядел так, словно время остановилось здесь сотню лет назад. Провалившаяся крыша. Потемневшие балки. Окна без стекол. Скрип половиц эхом отдавался в пустых комнатах. На втором этаже я заметил шкаф, наполовину ушедший в стену. Любопытство победило. С трудом открыв перекошенную дверцу, я обнаружил небольшую деревянную шкатулку, покрытую толстым слоем пыли. Замок давно проржавел и открылся без сопротивления. Внутри лежали карманные часы. Не золотые. Не серебряные. Они были сделаны из неизвестного темного металла, словно впитавшего в себя ночное небо. Вместо привычных цифр на циферблате располагались странные символы, похожие одновременно на руны, арабскую вязь и математические формулы. Стрелки стояли ровно на двенадцати. Я осторожно поднял часы. Они были теплыми. Слишком теплыми для металла, который десятилетиями лежал в заброшенном доме. На обратной стороне корпуса была выгравирована надпись: **«Время принадлежит не тому, кто его измеряет, а тому, кто осмелится изменить.»** Я улыбнулся. Красиво придумано. Когда я попытался открыть крышку часов, ничего не произошло. Тогда я машинально повернул заводную головку. Щелк. Стрелки ожили. В комнате мгновенно стало тихо. Настолько тихо, что исчез даже ветер за окнами. Пыль перестала падать. Капля дождя, летевшая через разбитое окно, застыла в воздухе. Я не успел испугаться. Часы вспыхнули мягким голубым светом. Мир словно разорвался на тысячи сверкающих нитей. Пол ушел из-под ног. Когда головокружение закончилось, я лежал на том же месте. Только дом больше не был разрушен. Солнечный свет проникал через чистые окна. Стены были новыми. Из кухни доносился запах свежего хлеба. Во дворе лаяла собака. За окном слышались голоса. Барин уже проснулся? Нет еще. Велел карету готовить. Я резко вскочил. Не может быть. Подойдя к окну, я увидел людей в одежде XIX века. По дороге медленно ехала конная повозка. Во дворе работали крестьяне. На флагштоке развевался флаг Российской империи. Я хотел убедить себя, что это реконструкция. Фестиваль. Съемки фильма. Что угодно. Но часы в моей руке тихо тикали. Их стрелки двигались в обратную сторону. Тогда я понял одну страшную вещь. Я не наблюдал прошлое. Я оказался внутри него. И дороги назад, возможно, уже не существовало. Что это такое? подумал я. «Неужели последствия контузии? Как-никак за спиной две чеченские кампании». После них со мной всякое бывало. Иногда ни с того ни с сего терял сознание, пугая окружающих. Случалось, что и выпивал до чертиков, но такого не видел никогда. И тут в памяти отчетливо всплыл голос: Барин еще не проснулся... По спине пробежал холодок. Значит, не показалось, пробормотал я. Я огляделся. Комната была просторной, сложенной из толстых бревен. В углу стояла массивная русская печь, вдоль стены широкая деревянная лавка, а у окна тяжелый дубовый стол. Вместо электрической лампы под потолком висела керосиновая лампа. От дерева пахло смолой, а в воздухе чувствовался аромат свежего хлеба и дыма. «Если это сон, то слишком уж настоящий», мелькнула мысль. Я машинально проверил карманы. Часы были на месте. Их стрелки медленно двигались против обычного хода времени. Ладно... тихо сказал я. Сначала разведка, потом выводы. Привычка, выработанная за годы службы, взяла верх над страхом.

Паника никогда еще не помогала выжить. Я осторожно подошел к двери, прислушался. За ней слышались шаги, негромкие разговоры и звон металлической посуды. «Надо провести разведку боем», решил я. Я глубоко вдохнул, взялся за кованую ручку и, стараясь не шуметь, вышел из бревенчатой комнаты к людям, готовый встретить все, что приготовило для меня это странное место и, возможно, само время.

Глава 2

Дверь тихо скрипнула, и я оказался в широких сенях. Половицы под ногами были гладкими, натертыми до блеска, словно по ним каждый день ходили десятки людей. На стенах висели связки сушеных трав, охотничьи ружья старого образца и медные фонари. Я остановился и прислушался. Из соседней комнаты доносились голоса. Барин сегодня поздно почивает. Видать, вчера с дороги утомился. Ага, Семен уже два раза спрашивал, когда самовар ставить. Я осторожно выглянул из-за косяка. За длинным деревянным столом сустились две женщины в простых сарафанах. На столе стояли чугунки, глиняные миски, свежий хлеб, крынка с молоком и огромный медный самовар. Никто не обратил на меня внимания. «Странно... Они ведут себя так, словно знают меня.» В этот момент одна из женщин подняла голову. Ой, батюшки! Барин проснулся! Обе сразу поклонились. Доброе утро, Александр Петрович. Я едва не выругался. «Какой еще Александр Петрович?» Но лицо мое осталось спокойным. За годы службы я научился скрывать удивление. Доброе... ответил я, стараясь говорить уверенно. Прикажете завтрак подавать? Конечно. Женщина улыбнулась и принялась расставлять посуду. А я тем временем внимательно осматривал помещение. Каждая мелочь подтверждала невероятное. Никакого электричества. Никакого пластика. Все предметы были сделаны вручную. За окном послышался топот копыт. Во двор въехала телега, нагруженная мешками. Следом показался крепкий бородатый мужик лет пятидесяти. Сняв картуз, он громко сказал: Здравия желаю, барин! Я машинально кивнул. И тебе здоровья. Купцы из города прибыли. Дожидаются в конторе. Говорят, дело срочное. «Какие еще купцы? Какая контора?» Но виду я не подал. Хорошо. Пусть подождут немного. Слушаюсь. Мужик снова поклонился и вышел. Я медленно сел за стол. «Значит, для всех вокруг я действительно какой-то помещик. Или барин. И никто не замечает подмены.» В кармане что-то тихо щелкнуло. Я незаметно сунул руку внутрь. Часы. Крышка часов сама собой приоткрылась. На внутренней стороне появилась надпись, которой раньше не было. **«Не открывай правду. Пока тебя считают хозяином ты жив. Стоит назвать свое настоящее имя, и ход времени нарушится.»** Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Вот черт... Я быстро захлопнул крышку. В этот же миг в дверь постучали. Разрешите, барин? В комнату вошел высокий седой мужчина в темно-зеленом сюртуке. Он был лет шестидесяти, с пронзительным взглядом и идеально прямой осанкой. Позвольте напомнить, Александр Петрович, сегодня двадцать третье мая одна тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. После завтрака вам предстоит принять купцов, затем объехать имение и подготовиться к приезду губернатора. Слова старика прозвучали спокойно, но у меня внутри все перевернулось. **1856 год.** Не сон. Не галлюцинация. Не реконструкция. Я действительно оказался в прошлом. И, судя по всему, занял место человека, которого здесь знали все. Оставалось понять главное. Где настоящий Александр Петрович? И почему именно я оказался на его месте? «Что происходит?» думал я, стараясь не терять самообладания. За свою жизнь мне довелось побывать в таких переделках, о которых лучше не вспоминать. Был и под обстрелом, и в плену. Тогда я усвоил главное правило: пока сохраняешь спокойствие живешь. Паника убивает быстрее пули. Старик почтительно поклонился и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. В комнате остались только я и две молодые служанки, хлопотавшие возле стола. Одна из них поставила передо мной миску с кашей, другая налила горячего чая из самовара. Они украдкой поглядывали на меня, словно ожидая какого-то распоряжения. Я решил проверить одну догадку. Поднявшись из-за стола, подошел к ближайшей девушке и поднял подол ее платья. Она лишь смущенно опустила глаза и тихо улыбнулась. Что-нибудь еще прикажете,

барин? Никакого удивления. Никакого испуга. Значит, для них подобное поведение хозяина было вполне обычным. «Интересно... Выходит, они действительно принимают меня за этого самого Александра Петровича», отметил я про себя. Не желая заходить дальше, я вернулся на свое место. На столе лежали ломти свежего хлеба, домашнее масло, вареные яйца, печеная рыба и дымящаяся гречневая каша. Желудок тут же напомнил, что последний раз я ел еще в своем времени. Ладно, пробормотал я. Война войной, а завтрак по расписанию. Я принялся есть, одновременно внимательно наблюдая за всем вокруг. Каждая мелочь могла оказаться важной. Если это действительно 1856 год, то любая ошибка способна вызвать подозрения. А подозрения в чужом времени последнее, что мне сейчас было нужно. Глаша, ты тут подсоби барину, сказала одна из женщин, поправляя платок. А я на кухню. Она вышла, прикрыв за собой дверь. Мы остались вдвоем. Я проводил ее взглядом, затем посмотрел на Глашу. Высокая, статная, с русой косой, переброшенной через плечо. Простое льняное платье не скрывало, что девушка была крепкого деревенского сложения. Она держалась спокойно, будто подобные поручения были для нее делом привычным. «Справная девушка», мелькнуло у меня в голове. И тут я поймал себя на странном ощущении. Последние годы я почти перестал обращать внимание на женщин. После войны, контузии и всего, через что пришлось пройти, казалось, эта часть жизни осталась где-то далеко позади. Но сейчас словно что-то изменилось. Будто вместе с этим миром во мне проснулась давно забытая способность чувствовать. Глаша заметила мой взгляд и, слегка улыбнувшись, подошла ближе. Что-нибудь нужно, барин? Я несколько секунд молчал, внимательно рассматривая ее лицо. В ее глазах не было страха. Только любопытство и искреннее желание услужить хозяину. С армии у меня осталась хорошая привычка не оставлять на потом. Потому что потом может и не настать. Притянув ее к себе за руку. Я загнул ее, приподняв подол. Пышная задница так мило прятавшаяся под платьем радовала мои глаза. Вошел в нее. Давно забытые ощущения нахлынули на меня. Или она была хороша или просто давно не было секса. Но кончил я на ее прекрасную попку. Даже не задумываясь обтерся ее подолом и сел в благой неге. Скажи-ка, Глаша... произнес я наконец. Давно я здесь живу? Девушка удивленно моргнула. Как это давно? С самого рождения, барин. Это же ваше имение. «Плохо, подумал я. Значит, расспрашивать нужно очень осторожно. Одно неверное слово и меня сочтут сумасшедшим.» Глаша тем временем поправила скатерть и негромко спросила: Вы сегодня будто сами не свои. Может, нездоровится? Я усмехнулся. Есть немного. Голова после дороги тяжелая. Память словно туманом затянуло. Она сочувственно кивнула. Так и подумала. Батюшка говорил, с человеком после сильного потрясения всякое случается. Эти слова заставили меня насторожиться. Какого еще потрясения? Глаша сразу прикусила язык. Ой... Простите, барин. Я, наверное, лишнего сказала. Она опустила глаза. А я почувствовал, что наконец вышел на первый след. Похоже, с настоящим Александром Петровичем незадолго до моего появления действительно произошло нечто очень серьезное. Я внимательно посмотрел на Глашу. Не бойся. Говори, что знаешь. Она нерешительно подняла глаза. Так все в доме только об этом и шепчутся... После той поездки вы другим стали. Какой поездки? В уезд ездили. Один, без охраны. Вернулись уже под вечер. Лошадь вся в мыле, одежда грязная, а сами бледный, словно покойника увидели. Потом три дня никого к себе не пускали. Я слушал, стараясь не выдать своего волнения. И что было потом? Потом велели никому не говорить, что случилось. Только старого Прохора позвали. Они у вас в кабинете до самой ночи сидели. А наутро приказали в лесу, у старой часовни, поставить охрану. У меня внутри словно что-то щелкнуло. «Часовня...» Память тут же подбросила картину заброшенной усадьбы, где я нашел часы. Неужели все началось именно там? Глаша, как можно спокойнее спросил я, а эта часовня далеко? Верст пять отсюда. Никто туда не ходит. Люди говорят, место нехорошее. Почему? Девушка понизила голос. Говорят, еще при деде вашего батюшки там жил странный монах. Людей почти не видел, зато старые часы чинил. А когда умер, его так и не нашли. Только часы остались... И с тех пор иногда возле часовни видят свет по ночам. Я почувство-

вал, как в кармане едва заметно нагрелись мои карманные часы. Медленно сунув руку в карман, я нащупал холодный металл. Тик... Тик... Тик... Стрелки вновь двигались против хода времени. В этот момент в коридоре раздались быстрые шаги. Дверь распахнулась. На пороге появился тот самый старик, которого называли Прохором. Обычно невозмутимый, теперь он выглядел встревоженным. Барин, беда. Что случилось? Купцы подождут. К имению подъехал жандармский офицер. Говорит, прибыл по личному поручению губернатора. Прохор на мгновение замолчал, затем добавил почти шепотом: И еще... он спрашивает, нашли ли вы часы. Я почувствовал, как кровь застучала в висках. Я никому не говорил о находке. Никому. Значит, этот офицер приехал не за помещиком Александром Петровичем. Он приехал за человеком, который владел магическими часами.

Глава 3

Я машинально сжал часы в кармане. Металл оказался горячим, будто предупреждал об опасности. «Спокойно, сказал я себе. Если этот офицер знает про часы, значит, знает больше меня. Главное не дать понять, что я ничего не помню.» Где он сейчас? спросил я. В гостиной, барин. Ждет вашего распоряжения, ответил Прохор. Хорошо. Пусть подождет еще пять минут. Старик слегка поклонился. Как прикажете. Когда дверь закрылась, я повернулся к Глаше. Послушай внимательно. Сегодня со мной действительно творится что-то странное. Если я спрошу о чем-то необычном, никому ни слова. Поняла? Она кивнула. Поняла, барин. И еще... Кто такой Прохор? Как кто? Ваш управляющий. Он еще при вашей батюшке служил. Вернее человека во всей губернии не сыскать. Я запомнил. «Значит, Прохор союзник. Пока.» Подойдя к висевшему на стене зеркалу, я замер. Из отражения на меня смотрел совсем другой человек. Высокий мужчина лет тридцати пяти, с густыми темными волосами и аккуратно подстриженной бородой. Лицо было незнакомым, но взгляд... Взгляд оставался моим. Я осторожно коснулся щеки. Человек в зеркале повторил движение. Вот, значит, как... тихо произнес я. Я не просто оказался в прошлом. Я жил в чужом теле. В голове всплыли слова, появившиеся на крышке часов: «Не открывай правду...» Теперь я понимал почему. Для всех вокруг я был Александр Петрович. Настоящий хозяин этого дома. В этот момент часы снова едва слышно щелкнули. Я открыл крышку. На внутренней стороне проступила новая надпись. **«Первый хранитель найден. Второй уже идет по твоему следу.»** Буквы исчезли так же быстро, как появились. Второй хранитель... прошептал я. Снаружи донесся стук копыт. Я выглянул в окно. Во дворе стояла черная карета без гербов. Из нее вышел высокий офицер в форме жандармерии. На вид ему было около сорока. Он снял перчатки и неторопливо оглядел усадьбу. В какой-то момент он словно почувствовал мой взгляд. Поднял голову. Наши глаза встретились. И в ту же секунду он медленно достал из кармана... Такие же часы. Только не темные, как мои, а серебристые. Офицер слегка приподнял их, будто показывая, что знает мой секрет. Затем едва заметно улыбнулся. Улыбка была спокойной, но от нее по спине пробежал холод. «Значит, я не единственный путешественник во времени», понял я. Офицер убрал часы обратно в карман и уверенной походкой направился к крыльцу. Через несколько секунд в доме раздался звон дверного колокольчика. Игра началась. Колокольчик звенел недолго. Дом сразу ожил. По коридору застучали каблуки, кто-то торопливо открыл входную дверь, послышались приглушенные голоса. Я закрыл крышку часов и глубоко вдохнул. Прохор! Управляющий появился почти мгновенно. Слушаю, барин. Проводи господина в мой кабинет. Скажи, что сейчас подойду. Будет исполнено. Старик исчез так же бесшумно, как появился. Я повернулся к Глаше. А ты ступай. И никому ни слова о нашем разговоре. Она поклонилась. Как прикажете. Оставшись один, я быстро осмотрел комнату. На вешалке висел темно-синий сюртук. Рядом трость с серебряным набалдашником. На столике лежали карманные часы Александра Петровича. Я машинально взял их. Обычные. Золотые. Стрелки шли как положено. Значит, эти хозяйские, пробормотал я. А мои... совсем другая история. Я переложил магические часы во внутренний карман сюртука и направился в кабинет. Кабинет оказался просторным. Вдоль стен тянулись

книжные шкафы. У окна стоял огромный письменный стол, заваленный бумагами, картами и какими-то чертежами. Но больше всего мое внимание привлекла карта Российской империи. На ней красными чернилами были отмечены десятки точек. Москва. Санкт-Петербург. Казань. Киев. Одесса. Кавказ. И еще множество мест. Возле каждой стояла маленькая пометка в виде часов. Интересно... Я рад, что вы наконец пришли, Александр Петрович. Голос прозвучал совсем рядом. Я поднял голову. Жандарм уже сидел в кресле у окна. Хотя секунду назад кабинет был пуст. «Черт... Когда он успел войти?» Он спокойно поднялся. Позвольте представиться. Полковник Орлов. Он протянул руку. Я ответил крепким рукопожатием. Ладонь оказалась холодной, словно он только что держал снег. Присаживайтесь. Мы сели друг напротив друга. Несколько секунд молчали. Полковник внимательно изучал мое лицо. Потом неожиданно спросил: Итак... который это у вас век? Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я едва не выдал себя. Но армейская привычка держать лицо снова спасла. А у вас? спокойно ответил я вопросом на вопрос. Полковник едва заметно улыбнулся. Хорошо. Он вынул серебряные часы. Положил их на стол. Значит, память вы не потеряли. Не всю. Это уже лучше. Он некоторое время молчал, словно принимая решение. Затем произнес: Тогда, вероятно, вы уже заметили одну странность. Какую именно? История изменилась. Я нахмурился. Объясните. Полковник подошел к карте. По вашим учебникам, Александр Второй отменил крепостное право в тысяча восемьсот шестьдесят первом году. Он посмотрел мне прямо в глаза. Но в этом мире никакого Александра Второго никогда не существовало. Я почувствовал, как внутри все похолодело. Что вы сказали? Вы услышали правильно. Он взял со стола книгу в кожаном переплете и протянул мне. На обложке золотыми буквами было выбито: **«История Российской державы. Издание 1854 года»**. Я быстро открыл последние страницы. На месте привычных событий была совсем другая история. Совсем другой правитель. Другие войны. Другие союзники. Даже карта Европы выглядела иначе. Полковник спокойно наблюдал за моей реакцией. Теперь понимаете? Не совсем. Часы не переносят человека в прошлое. Он сделал небольшую паузу. Они переносят его между различными линиями времени. И вы оказались не в своем прошлом. Вы оказались в чужой истории. Я медленно закрыл книгу. В голове стоял гул. Значит... это не мое прошлое? Полковник Орлов покачал головой. Нет. И не мое. Хотя я нахожусь здесь гораздо дольше вас. Тогда кто вы такой? Он усмехнулся. Когда-то я был капитаном Генерального штаба Российской армии. Год... две тысячи двадцать восьмой. Во время одной экспедиции на Северном Урале наша группа обнаружила древнее святилище. Там и нашли часы. Он на секунду замолчал. Из двадцати человек выжил только я. А остальные? Растворились во времени. Или оказались в других линиях истории. Этого никто не знает. Я невольно коснулся своего кармана. Значит, часы выбирают хозяина? Именно. И избавиться от них невозможно. Словно подтверждая его слова, я попытался достать часы. Карман оказался пуст. Что за... Я быстро проверил другой карман. Тоже ничего. Орлов молча кивнул на мою левую руку. Я опустил взгляд. Часы висели на цепочке, закрепленной на жилете. Я готов был поклясться, что секунду назад их там не было. Они сами выбирают, когда появиться, спокойно сказал Орлов. И сами решают, что показать своему владельцу. Я снова сел в кресло. Хорошо. Допустим, я вам поверил. Тогда зачем вы приехали? Полковник подошел к окну. Во дворе крестьяне разгружали телегу с мешками зерна. Все выглядело мирно. Потому что времени почти не осталось. До чего? До Раскола. Это слово прозвучало так, словно он произнес приговор. Что за Раскол? Орлов посмотрел на небо. Представьте зеркало. Представил. А теперь разбейте его. И? Каждый осколок станет отдельным миром. Когда-то существовала одна-единственная история человечества. Но тысячи лет назад появились первые Хранители времени. Они начали менять события, надеясь сделать мир лучше. Одни спасали государства, другие предотвращали войны, третьи пытались вернуть к жизни погибших близких. Он тяжело вздохнул. Каждое вмешательство рождало новую ветвь истории. Со временем их стало так много, что сама ткань времени начала разрушаться. Я слушал молча. Сейчас эти миры снова начинают сталкиваться друг с

другом. Иногда люди видят то, чего не должно существовать. Исчезают города. Появляются вещи из будущего. Целые деревни просыпаются в другой эпохе. Пока это редкость. Но скоро границы между мирами исчезнут. И тогда? Тогда погибнут все линии времени сразу. В кабинете повисла тишина. Наконец я спросил: Почему вы рассказываете это именно мне? Орлов долго молчал. Потом достал из внутреннего кармана сложенный лист плотной бумаги. Это оказался портрет. Я развернул его. С портрета на меня смотрел человек в форме русской армии начала XX века. Лицо было незнакомым. Но глаза... Глаза были моими. Я перевернул лист. На обратной стороне аккуратным почерком было написано: **«Последний Хранитель. Найдет часы трижды. Первый раз как солдат. Второй как хозяин. Третий как спаситель.»** Что это значит? тихо спросил я. Орлов ответил не сразу. Это означает, что наша встреча уже была записана в истории задолго до того, как мы оба родились. Внезапно часы на моей груди начали быстро тикать. Тик... Тик... Тик... Стрелки закрутились с невероятной скоростью. Комната дрогнула. Чернила на картах поплыли, словно стали жидкими. За окном на мгновение исчезли деревья. Вместо них я увидел многоэтажные дома, асфальтированную дорогу и автомобили. Картина держалась всего несколько секунд. Потом все исчезло. Снова появился старый парк, конюшни и крестьяне. Орлов резко побледнел. Нет... прошептал он. Что случилось? Уже началось. Он посмотрел прямо мне в глаза. Миры больше не разделены. Они начинают видеть друг друга.

Глава 4

Как это остановить? спросил я, не сводя глаз с Орлова. Или хотя бы замедлить? Полковник долго молчал. Потом подошел к двери, повернул ключ в замке и вернулся к столу. Есть способ. Но он настолько опасен, что за последние пятьсот лет никто не рискнул им воспользоваться. И что это за способ? Орлов расстелил на столе старую карту. Это была не карта Российской империи. На пожелтевшем пергаменте не было ни губерний, ни дорог, ни рек. Вместо них были изображены десятки переплетающихся линий, напоминавших корни огромного дерева. В самом центре сиял золотой круг. Это Древо Времени, тихо сказал Орлов. Не настоящее, конечно. Лишь схема, которую оставили первые Хранители. Он провел пальцем по одной из линий. Каждый мир отдельная ветвь. Пока они не соприкасаются, все существует в равновесии. Затем он коснулся центра карты. Но есть место, где сходятся все ветви. Где? Никто не знает его точного положения. Одни называют его Сердцем Времени, другие. Нулевым Часом. И что находится там? Первые часы. Я непроизвольно достал свои. Они тихо тикали, словно прислушиваясь к разговору. Орлов покачал головой. Нет. Твои всего лишь ключ. Как и мои. Настоящие часы существуют в единственном экземпляре. Если их найти? Можно запечатать трещины между мирами. А если уничтожить? Полковник резко поднял голову. Даже не думай. Почему? Потому что никто не знает, что произойдет. Возможно, исчезнет только магия времени. А возможно... Он не договорил. Возможно, исчезнем мы? Орлов грустно улыбнулся. Не только мы. Все миры сразу. Я подошел к окну. Во дворе по-прежнему кипела жизнь. Работники таскали мешки, конюх вел под уздцы молодого жеребца, на крыльце смеялись две служанки. Они даже не подозревали, что их мир может перестать существовать. Сколько у нас времени? спросил я. Не знаю. Может быть, несколько лет. Может быть, несколько месяцев. А может, всего несколько дней. В этот момент часы снова нагрелись. Я открыл крышку. На внутренней стороне медленно проступили новые слова. **«Первый узел открыт. До второго осталось двадцать девять дней.»** Надпись исчезла. Мы с Орловым переглянулись. Видели? спросил я. Нет. Как это нет? Каждый владелец часов видит только свои послания. Я пересказал ему надпись. Полковник заметно помрачнел. Хуже, чем я думал. Почему? Потому что часы начали вести тебя. Куда? Орлов свернул карту и убрал ее в кожаный тубус. К следующему узлу времени. И, если мои догадки верны, он находится совсем рядом. Где именно? Полковник посмотрел в сторону старого леса, который темной стеной подступал к имению. У той самой заброшенной часовни. Он надел перчатки и спокойно произнес: Сегодня ночью мы отправимся

туда. Если легенды не лгут, под часовней скрывается то, чего не видел ни один человек уже несколько столетий. И что же это? Орлов посмотрел на мои часы. Дверь, через которую ты попал в этот мир. Только на этот раз, добавил он, мы войдем в нее вдвоем. Обернувшись к двери я машинально крикнул Семен. Вошел мужчина средних лет. Проводи полковника в гостиную приказал я. Отдохните с дороги предложил я полковнику и проводил их взглядом. Вот как подумал я. история закручивается так что пернуть некогда. Вышел во двор. Стоял прекрасный сентябрьский день. Деревья уже коснулась рука осени золотя листву и окрашивая лес в причудливые цвета. Увидев Прохора я спросил все ли у нас в порядке. Он почмокал ртом и ответил урожай нынче добрый. Но я остановил его. Какой урожай на хрен. Мне тут жить осталось 19 дней а потом крах всего. Я почувствовал себя в шкуре обреченного больного. Хотя нет я почувствовал себя как человек видевший комету. Все вокруг живет своей жизнью а она летит и только ты знаешь что через 29 дней она бац и мы в лепешку. Это ощущение пьянило. А скажи ка Прохор далеко ли до города спросил я и вытащив из кармана серебряную монету сунул ему в руку. Пуст он тоже почувствуют мое настроение подумал я. Прохор расплылся в улыбке от полученной монеты. Видно прежде хозяин не одаривал его. Дэк до города день ходу ответил он сбив мое хорошее настроение. Я с грустью осмотрел свои владения. Значит деревня подумал я. Только жить начал а тут бац и западня. Достал из кармана часы и посмотрел на стрелку которая неумолимо отсчитывала время. Это что если все делать по правилам то можно спасти мир подумал я. И усмехнувшись подумал а кто эти правила установил. И почему это я должен исправлять чужие ошибки. Вот мой мир я молодой и красивый. И когда выпадет второй шанс ни кто мне не подскажет. А вдруг войдя в часовню я окажусь горбуном и еще 29 дней проведу в вонючем мире гномов. А ну ка Прохор покажи мне где у нас казна спросил я у него. Мы прошли в дом и Прохор указал на сундук. Ключ от которого тоже был у него. Удобно устроился проскользнула мысль. Я ему серебряный а у него ключ от ларца. Но реальность оказалась печальнее чем я ожидал. В ларце лежало девять серебряных монет. Да печально выдохнул я выгребая свое сокровище. Он говорил это почти беззвучно, но в груди впервые за долгое время появилась легкость. Девять серебряных монет приятно звякнули в кожаном кошелье. Не так уж много, но и не мало достаточно, чтобы начать новую жизнь где-нибудь подальше от странного полковника Орлова и его разговоров о времени, судьбе и спасении мира. «Хватит, подумал я. Я свое уже отвоевал. Две войны прошел, видел столько смертей, что до сих пор иногда просыпаюсь среди ночи от запаха пороха. Выполнял чужие приказы, чужие идеи, а в итоге ничего не изменилось. Одни правители сменяли других, президенты и вожди мерились амбициями, а в землю ложились простые ребята. Почему теперь именно я должен исправлять чьи-то ошибки?» Я закрыл ларец, сунул кошель за пазуху и вышел во двор. Утренний воздух был прохладным. Над крышами изб поднимался легкий дым, где-то лениво мычала корова, перекликались петухи. Возле конюшни возился Прохор. Прохор, тихо позвал я. Он поднял голову. Слушаю, барин. Запрягай лучшего коня. Прокачусь по окрестностям. Старик внимательно посмотрел на меня. Слишком внимательно. По окрестностям, говорите?.. Именно так. Прохор неторопливо вытер руки о холщовый передник. Сделаю. Только, барин... не туда ли вы собрались, куда дорога обратно не ведет? Я замер. О чем ты? Старик вздохнул. Да так... Старый я стал. Иногда вижу, когда человек не на прогулку собирается, а жизнь свою менять. Не дожидаясь ответа, он скрылся в конюшне. Через несколько минут из ворот вывели великолепного вороного жеребца. Высокий, сильный, с блестящей гривой, он нетерпеливо бил копытом, будто сам чувствовал близкую дорогу. Прохор подал поводья. Его Чернышом кличут. Конь умный. Дорогу домой всегда найдет... если хозяин сам захочет вернуться. Я вскочил в седло. Спасибо, Прохор. С Богом, барин. Я слегка тронул поводья, и конь пошел рысью со двора. За спиной остался полковник Орлов. «Еще час пути, думал я, и никто меня не найдет. Доберусь до ближайшего тракта, куплю одежду попроще, назовусь другим именем. Девяти серебряных хватит, чтобы первое время прожить. А дальше... кузнецом устроюсь, плотником, да хоть извозчиком.

Главное жить своей жизнью.» Но стоило скрыться за поворотом, как Черныш вдруг насторожил уши. Из леса донесся едва слышный женский крик. Не испуганный. Отчаянный.

Глава 5

Я натянул поводья. Черныш сам остановился, прядая ушами. Лес словно притих. Даже птицы, которые еще мгновение назад щебетали без умолку, внезапно смолкли. И снова послышалось: Помогите... Тихо. Почти шепотом. Я поморщился. Вот ведь... Только не это. Всю жизнь так. Стоит решить жить для себя, как судьба тут же подбрасывает человека, которому нужна помощь. Нет, сказал я вслух, будто убеждая самого себя. Не мое дело. Я тронул коня вперед. Черныш не сдвинулся. Что, и ты против меня? Конь лишь фыркнул и повернул голову в сторону леса. Издевается... Крик повторился. Теперь ближе. Я шумно выдохнул, развернул жеребца и направил его между сосен. Через несколько десятков шагов показалась небольшая поляна. Посреди нее стояла перевернутая телега. Одно колесо отлетело в сторону, мешки с мукой были разорваны, а белая мука покрывала траву, словно свежий снег. Рядом лежал убитый волк. Еще один бился в предсмертных судорогах. Третий кружил вокруг молодой женщины, прижавшейся спиной к огромному дубу. В руках она держала длинную оглоблю, отчаянно отбиваясь от зверя. Возле ее ног плакал мальчишка. Мамочка... Волк присел перед прыжком. Я даже не успел подумать. Руки сами сделали то, чему их учили долгие годы. Кинжал, висевший у седла, мгновенно оказалась в ладони. Хэй! Волк обернулся. Кинжал, вращаясь, просвистела в воздухе. Удар пришелся точно за ухо. Зверь рухнул, словно подкошенный. Еще двое серых, скрывавшихся в кустах, выскочили почти одновременно. Ах вот вы где... Черныш резко встал на дыбы, ударив копытами ближайшего волка в грудь. Второго я встретил уже на земле. Нож вошел под переднюю лапу, прямо в сердце. Все стихло так же внезапно, как и началось. Женщина медленно опустила оглоблю. Господи... Вы... Я поднял кинжал, вытер ее о траву и только теперь заметил, что дышу совершенно спокойно. «Вот ведь привычка, мелькнуло в голове. Организм воюет раньше, чем мозг успевает решить, стоит ли вмешиваться.» Мальчишка осторожно выглянул из-за матери. Я невольно усмехнулся. Женщина поклонилась. Спасибо вам. Еще немного, и волки бы нас... Она не договорила. Я посмотрел на разбитую телегу. Колесо сломано. Одни вы его не почините. До деревни три версты, сказала она. Муж должен был встретить нас, но, видно, задержался. Я уже открыл рот, чтобы пожелать им удачи и продолжить свой путь. Но вдруг услышал позади спокойный голос: А я ведь говорил, что далеко ты не уедешь. Я резко обернулся. На дороге, опираясь на трость, стоял полковник Орлов. На его лице не было ни тени удивления, словно он с самого начала знал, что именно здесь меня и встретит. Ты не от времени бежишь, тихо сказал он. Ты пытаешься убежать от самого себя. А это, поверь старику, еще никому не удавалось. С первого раза не получилось, пробормотал я, качнув головой. Я бросил последний взгляд на женщину с мальчиком. До деревни сами доберетесь? Она кивнула. Теперь доберемся. Спасибо вам. Я молча развернул Черныша и поехал вслед за полковником. Орлов не оборачивался. Он шел медленно, опираясь на трость, словно был уверен, что я никуда больше не денусь. Минут через десять мы выехали на пригорок. Внизу серебрилась река, а за ней виднелась усадьба. Полковник остановился. Злишься? Нет. Врешь. Я пожал плечами. Злюсь не на вас. На себя. Почему? Потому что уже знал, чем все закончится. Услышу крик полезу спасать. Увижу несправедливость вмешаюсь. Наверное, это уже не исправить. Орлов впервые за весь разговор улыбнулся. Вот именно. Поэтому ты и нужен. Я спрыгнул с коня. Давайте без загадок. Вы все время говорите так, будто знаете обо мне больше, чем я сам. Что происходит? Почему именно я? В этом времени тысячи людей. Найдите другого героя. Полковник некоторое время молчал. Потом медленно произнес: Потому что остальные считают себя героями. Я вопросительно посмотрел на него. А ты нет. Ты всю дорогу пытаешься отказаться. Каждый раз говоришь одно и то же: «Это не моя война. Не мои ошибки. Пусть другие исправляют». И каждый раз все равно идешь туда, где опаснее всего. Он поднял с земли сухую ветку и переломил ее. Знаешь, что ломает время? Нет.

Не войны. Хруст. Не революции. Еще один хруст. И даже не смерть великих людей. Он бросил обломки на землю. Время ломают люди, которые знают правду, но отворачиваются. Я молчал. Ты думаешь, что две войны сделали тебя циником. Нет. Они сделали тебя человеком, который слишком хорошо знает цену бездействия. Эти слова ударили сильнее любого упрека. Перед глазами всплыли лица тех, кого уже не вернуть. Те, кто однажды тоже надеялся, что кто-нибудь другой успеет раньше. Хорошо, тихо сказал я. Допустим, я остаюсь. Орлов кивнул. Это уже лучше. Но с этого момента никаких недомолвок. Если мы работаем вместе, вы рассказываете все. Кто вы на самом деле? Откуда знаете обо мне? Что случилось с этим временем? И почему у меня такое чувство, что это далеко не первая наша встреча? Полковник долго смотрел на реку. Потом медленно снял с правой руки старое кожаное перчатку. На внутренней стороне запястья виднелся странный рубец не шрам от раны, а словно выжженный знак в форме песочных часов. Потому что, сказал он негромко, для тебя это первая встреча. Он поднял взгляд. А для меня... мы знакомы уже тридцать семь лет. По спине пробежал холодок. Не понял... Орлов тяжело вздохнул. Ты еще не знаешь, но однажды сам отправишь меня в прошлое. И прикажешь найти молодого капитана, который устал от войн и уверен, что больше никому ничего не должен. Он сделал небольшую паузу. Прикажешь найти самого себя. Мы въехали во двор усадьбы молча. Я спешил и, бросив поводья подбежавшему конюху, громко сказал: Степан! Из амбара показался широкоплечий мужик. Здесь, барин. Возьми двух человек, запасное колесо и инструмент. По лесной дороге, верстах в трех отсюда, стоит разбитая телега. Там женщина с мальчиком. Заберешь их сюда. Телегу починить, лошадь осмотреть. Если понадобится оставишь их в гостевом доме на несколько дней. Степан коротко кивнул. Сделаем. И чтобы без разговоров. Они наши гости. Понял, барин. Степан тут же окликнул двоих работников, и вскоре со двора выкатили крепкую подводу. Я посмотрел им вслед, пока они не скрылись за воротами. Прохор! крикнул я. Старик появился словно из-под земли. Здесь, барин. Затопи баню. Горячую. И чтобы никто меня не беспокоил. Прохор внимательно посмотрел мне в глаза. Как прикажете. Я уже сделал несколько шагов к дому, когда услышал за спиной голос Орлова. Нам надо поговорить. Не оборачиваясь, я ответил. Надо. Но не сейчас. И вошел в дом. Кабинет встретил прохладой и запахом старого дерева. Я закрыл дверь на засов, затем машинально проверил окна. Странная привычка, оставшаяся еще с войны. Только убедившись, что я один, опустился в тяжелое кресло. Тишина. Та самая тишина, которой мне так не хватало. Я налил себе кружку холодной воды и залпом выпил. Руки слегка дрожали. Черт... Не от страха. От усталости. Последние сутки перевернули всю мою жизнь. Еще вчера я считал себя человеком, который наконец-то получил шанс начать все заново. Сегодня выяснилось, что какое-то будущее уже успело распорядиться моей судьбой без моего согласия. Я достал из кармана девять серебряных монет и высыпал их на стол. Монеты тихо звякнули, раскатившись по дубовой столешнице. Девять. Мой билет на свободу. Я долго смотрел на них, потом усмехнулся. Ну что, господа... Похоже, вы мне сегодня не пригодились. Во дворе слышался плач мальчишки и стук подводы. Я выглянул во окно. Женщина с ребёнком скрылась в гостевом доме. Не желая встречаться с полковником, я осторожно вылез в окно. Крадучись я прошел в гостевой дом. И застал там кормящую грудью женщину. Увидев меня она смутилась и инстинктивно прижала малыша к себе. Он мило спал. У меня муж прошептала женщина почуввав мою похоть. Но я подчиняясь своим низменным инстинктам начал снимать одежду. Видя что это неизбежно женщина уложила мальчишку на подушку и стала раздеваться с отчужденной покорностью. Спас ты меня от лютой смерти произнесла она с благодарностью поэтому бери мое тело барин пользуйся. Кинув на пол перину я показал ей взглядом. У нее было совершенное тело. С больших грудей капало молоко придавая моменту сказочность. Она легла. С ее розовых сосков струилось молоко. Стекая по белой коже куда то под мышку. Я лег на нее и приник к ее соскам. Рот наполнился теплым сладковатым молоком. Совсем мало есть услышал я грудной голос женщины. Напившись с одной груди я прильнул к другой. Молоко насыщало меня и

возбуждало. Когда я оторвался от ее соска. То увидел ее глаза и губы жаждущие поцелуев. Я исполнил ее желание. Целовалась она сладко . Или я уже отвык от поцелуев . От этой мысли стало смешно. Потому что привыкнуть к поцелуям я не мог. У меня ни когда не было жены. И не было любовницы. А те редкие половые связи проходили без поцелуев. Поэтому я целовал ее мягкие губы и наслаждался. Ее теплая рука скользнула вниз и заправила мой член в себя. Как ловко подумал я . Такое у меня было только с женой старого прапорщика. Я би не заметил такой манипуляции . Но она комментировала это у моего член как моченный огурец пока не заправишь не войдет. Ее бедра задвигались с переменной частотой . Она знала что делала. И поэтому быстро добилась успеха , Выдохнув мне прямо в рот. Она закричала в экстазе оргазма выгибаясь и приподнимая мое тело. Ее объёмные ляжки сжимали мои бедра . И я ощущал мелкую дрожь ее тела. Подняв голову я увидел ее смущенные шаловливые глазки. Ох и жеребец вы барин похвалила она меня. Поднявшись с ее тела я оглядел ее высокую грудь и залитое молоком тело. Развернув ее я поставил ее на четвереньки . Передо мной предстала громадная задница с широкими бедрами. Обхватив их руками я вошел в нее. Она так возбуждалась что я скользил по ней получая неимоверное удовольствие. Ты где живешь спросил я ее . Она подняла голову и оглянувшись произнесла . Так я же с вашего хутора что на выселках . Это мне ни о че не говорило. Останешься здесь приказал я . Она улыбнулась и я кончил смотря в ее прекрасные глаза. Осушив ее большие груди от молока я ушел к себе так же через окна. В дверь осторожно постучали. Барин? раздался голос Прохора. Я же сказал. Баня готова. Я немного помолчал. Спасибо, Прохор. И еще... Что? Полковник уехал. Я нахмурился. Куда? Не сказал. Только просил передать одну вещь. Дверь чуть приоткрылась, и на пол лег небольшой кожаный сверток. Он велел открыть, когда останетесь один. Шаги Прохора удалились по коридору. Я некоторое время смотрел на сверток, не решаясь к нему прикоснуться. Наконец поднял его. Внутри лежали старинные карманные часы без единой стрелки. Под ними находилась сложенная вчетверо записка. На ней было написано всего три слова: **«Не открывай завтра»**. Я перечитал надпись несколько раз. Не открывай... что? И только тогда заметил, что записка адресована не мне. Вверху мелким почерком было выведено: **«Капитану... за день до пожара.»**

Глава 6

Я долго сидел, не сводя глаз с часов. Без стрелок. Без цифр. Только гладкий серебристый циферблат, отполированный так, что в нем отражалось мое лицо. Что же ты такое?.. Я осторожно нажал на крышку. Щелк. Часы открылись. Внутри не было механизма. Вместо шестеренок лежал сложенный лист тонкого пергамента. Вот старый лис... усмехнулся я. Значит, записка была приманкой. Я развернул лист. Это оказалась карта. Очень подробная карта окрестностей усадьбы. Лес. Река. Старая мельница. Заброшенный погост. И в самом углу, почти у края, стоял маленький крестик. Рядом было написано: **«Не ходить до первого разговора.»** Я невольно рассмеялся. Орлов... Ты серьезно считаешь, что после такой надписи я туда не поеду? В этот момент за окном прогремел гром. Я поднял голову. Еще час назад небо было чистым. Теперь над лесом стремительно собирались тяжелые свинцовые тучи. Ветер ударил в ставни. Где-то во дворе забеспокоились лошади. Я подошел к окну. Дворовые уже спешили убрать сено под навесы. Прохор отдавал распоряжения, словно готовился к настоящему урагану. И вдруг... Все звуки исчезли. Совсем. Я перестал слышать ветер. Перестал слышать людей. Даже гром оборвался на середине раската. Наступила абсолютная тишина. По спине пробежал холод. Что за... На серебристой поверхности часов появилась тонкая темная линия. Она медленно росла. Потом разделилась надвое. Это были стрелки. Минутная и часовая. Они возникли словно из жидкого металла. И сразу начали вращаться. Сначала медленно. Потом быстрее. Еще быстрее. Пока не превратились в серебристый круг. Комната вокруг меня задрожала. Шкафы стали полупрозрачными. Огонь в камине вытянулся длинной красной полосой. Капли дождя за окном повисли в воздухе. Время... Остановилось. И только я один продолжал

двигаться. За спиной послышался спокойный голос: Не трогай их. Я резко обернулся. В кабинете стоял Орлов. Но не тот седой полковник, которого я только что проводил. Передо мной был мужчина лет сорока. Высокий, подтянутый, без единой седой волосины. На нем был тот же мундир, только новый, без потертостей. Он внимательно смотрел на часы в моей руке. Значит, все-таки открыл, спокойно сказал он. Как ты сюда вошел? Через двадцать восемь лет Я уже не удивился. Только устало потер переносицу. Конечно. Через дверь было бы слишком просто. Молодой Орлов неожиданно улыбнулся. Вот за это чувство юмора ты мне всегда нравился. Мы знакомы? Пока нет. Он подошел ближе. Послушай внимательно. Сейчас ты находишься между двумя мгновениями. Для всех остальных гром еще не закончился. У нас есть примерно три минуты. Чтобы что? Чтобы ты наконец начал задавать правильные вопросы. Я задумался. Потом медленно произнес: Хорошо. Я поднял часы. Кто их сделал? Улыбка Орлова стала шире. Вот теперь ты начинаешь думать. Он не ответил сразу, словно проверяя, готов ли я услышать правду. Эти часы не изобретали, сказал он наконец. Они существуют потому, что однажды ты принесешь их в прошлое. Я тяжело вздохнул. Опять этот замкнутый круг? Именно. Некоторые вещи в истории не имеют первого создателя. Они существуют внутри петли времени. Ты получишь часы от меня, потом через много лет отдашь их мне же, только молодому. Поэтому невозможно сказать, кто был первым владельцем. Я провел пальцем по гладкому корпусу. Значит, все предопределено? Нет. Орлов покачал головой. Предопределены только узлы. А дороги между ними выбираешь ты сам. Именно поэтому я не стал удерживать тебя, когда ты решил сбежать. Мне было важно увидеть, какое решение ты примешь без моего давления. Я невольно усмехнулся. И увидел. Да. Ты все равно остановился помочь незнакомым людям. Он посмотрел мне прямо в глаза. Значит, ты остался собой. А это гораздо важнее, чем спасти время. Потому что время можно восстановить. Человека, потерявшего себя, почти никогда. Я молча смотрел на молодого Орлова. В его словах была странная логика, которая раздражала меня именно потому, что не находилось, чем ее опровергнуть. Хорошо, сказал я наконец. Допустим, я тебе поверил. Тогда ответь на один вопрос. Спрашивай. Если я когда-нибудь отправлю тебя в прошлое, значит, я выживу? Орлов отвел взгляд. Именно этого движения мне было достаточно. Не знаешь, сказал я. Знаю. Тогда почему молчишь? Он тяжело вздохнул. Потому что это самый опасный вопрос из всех. Я усмехнулся. Боишься изменить будущее? Нет. Боюсь изменить тебя. Он подошел к окну. За стеклом по-прежнему висели неподвижные капли дождя. Представь, что я скажу: "Да, ты проживешь еще сорок лет." И что? Ты начнешь рисковать. Возможно. А если скажу: "Нет, через год ты погибнешь." Я ничего не ответил. Тогда каждое твое решение станет другим. Ты перестанешь жить. Начнешь либо торопиться, либо прятаться. В обоих случаях исчезнет тот человек, которого я знаю. Я раздраженно махнул рукой. Опять загадки. Нет. Это опыт. Он провел ладонью по неподвижной капле на стекле. За тридцать семь лет я видел десятки людей, узнавших свое будущее. Ни один из них не стал счастливее. Я опустился в кресло. Тогда расскажи хоть что-нибудь полезное. Орлов кивнул. Это можно. Он достал из кармана небольшой блокнот. Потертый, в кожаном переплете. Положил его на стол. Это дневник наблюдений. Твой? Наш. Что значит "наш"? Первые страницы писал я. Последние ты. Я открыл блокнот. Почерк действительно менялся. Первые записи были ровными, каллиграфическими. Дальше буквы становились крупнее, увереннее... А последние страницы... Я замер. Этот почерк я узнал сразу. Так писал я. С небольшим наклоном вправо. С длинной буквой "д". И привычкой перечеркивать "т" почти у самого верха. По спине пробежал холод. Я перелистнул несколько страниц. На каждой стояла дата. Но не привычная. Вместо числа и месяца были записи вроде: «Третий возврат.» «Седьмая попытка.» «Одиннадцатый цикл.» Что это значит? Орлов долго молчал. Потом тихо произнес: Это значит, что для тебя все начинается впервые. Он посмотрел мне прямо в глаза. А для меня... нет. Я медленно закрыл блокнот. Сколько? Что? Сколько раз? Орлов ответил не сразу. Будто ему самому было тяжело произносить эти слова. Двенадцать. В комнате стало необычайно тихо. Двенадцать... попыток? Да. И все неудачные?

Нет. Тогда почему... Потому что каждый раз мы спасали одно и теряли другое. Я нахмурился. Не понимаю. Орлов сел напротив. В первом цикле удалось предотвратить большую войну. Но через двадцать лет начался голод, которого раньше не было. Во втором? Спасли миллионы людей. Но исчезли открытия, без которых человечество потеряло почти полвека развития. В третьем? Орлов прикрыл глаза. В третьем не родился человек, который позже должен был открыть лекарство от болезни, убившей миллионы. Я медленно провел рукой по лицу. Получается... Да. Орлов закончил за меня: История это, не прямая линия. Это огромная сеть. Потянешь за одну нить дрогнут сотни других. Я посмотрел на дневник. Тогда зачем вообще пытаться? Орлов неожиданно улыбнулся. Потому что на двенадцатой попытке мы поняли свою главную ошибку. Какую? Он поднялся. Время вокруг начало оживать. Где-то за окном медленно продолжил раскатываться гром. Мы все время пытались изменить историю. А надо? Орлов посмотрел на меня долгим, усталым взглядом. Нет. Он направился к двери. Нужно изменить людей, которые потом сами изменят историю. Гром наконец ударил в полную силу. Дождь с грохотом обрушился на крышу. В комнате снова заскрипели балки, затрещал огонь в камине. Молодой Орлов уже стоял на пороге. Запомни, капитан. Что? Не ищи великих событий. Ищи тех, кто однажды станет великим. Иногда один учитель важнее выигранной войны. Один инженер ценнее сотни пушек. Один честный судья может изменить судьбу страны сильнее любого царя. Он улыбнулся. И именно поэтому завтра мы едем не на поле боя. А куда? В обычную деревенскую школу. Я удивленно поднял брови. В школу? Да. Зачем? Орлов открыл дверь. Потому что в третьем классе там сейчас сидит десятилетний мальчишка, который уверен, что он никому не нужен. Он задержался на пороге. Через сорок лет этот мальчик должен будет сделать выбор, от которого зависит жизнь миллионов людей. И наша задача не сказать ему, кем он станет, а помочь ему не потерять совесть задолго до того, как у него появится власть.

Глава 7

Гроза снова гроыхнула, и в следующее мгновение я оказался в той самой, первой реальности. «Значит, я капитан... Хорошо. Но это не моя история. И почему именно я должен кого-то спасать?» подумал я. Забрав из ларца свои девять серебряных монет, я вышел во двор. Коня! крикнул я, перекрывая раскаты грома. Через минуту вороной уже нетерпеливо бил копытом. Я вскочил в седло и пустил его в галоп. Молнии одна за другой полосовали небо. Ветер хлестал по лицу, дождь заливал глаза, но останавливаться я не собирался. «А жопа-то седло помнит, усмехнулся я про себя. Значит, не все так плохо.» До города был день пути на телеге. Верхом значительно меньше. «Вот только знать бы короткую дорогу...» Недолго думая, я свернул с тракта прямо в поле. Семи бед не миновать, а от одной не отворачиваться, пробормотал я. Конь уверенно обходил копны пшеницы и легко нес меня вперед. Казалось, он сам выбирал дорогу. К вечеру мне было уже не до шуток. Ноги затекли, спина ныла, а седло безжалостно напоминало о каждом часу скачки. Я перевел коня на мелкую рысь. И ему требовался отдых, и мне благоразумие наконец подсказало, что ночью по незнакомым полям нестись во весь опор затея не из лучших. Небо постепенно темнело. И вдруг далеко впереди мелькнул слабый огонек. Я невольно улыбнулся. Ну вот... Значит, не зря ехал. Пришпоривать коня я не стал. Просто направил его к свету. Умное животное словно само поняло, куда нужно идти. Минут через двадцать передо мной выросли высокие деревянные ворота усадьбы. Кто там? донесся из темноты голос дворни. Конь громко фыркнул. Послышались быстрые шаги, загремел тяжелый засов, и ворота медленно распахнулись. Барин! Простите, не признали сразу! Двое дворовых подхватили поводья, а третий помог мне сойти на землю. Ноги после долгой скачки слушались плохо. Я молча кивнул и направился к ярко освещенной двери дома. Граф Алексей Петрович! Да вы совершенно промокли! раздался женский голос. Войдя в просторную гостиную, освещенную десятками свечей и лампад, я увидел женщину лет сорока. Статную, с правильными чертами лица и удивительно спокойным взглядом. Память услужливо подсказала: «Графиня Вязем-

ская. Соседка по поместью.» Прошу прощения за столь поздний визит, сказал я, снимая мокрую шляпу. Какие могут быть извинения в такую погоду? мягко улыбнулась графиня. Глаша, помоги барину переодеться. Молодая служанка взяла подсвечник. Прошу за мной, ваше сиятельство. Через несколько минут я вернулся в гостиную уже в сухом халате. Передо мной стояла большая чашка горячего чая, от которой поднимался ароматный пар. За окном бушевала гроза. В камине весело потрескивали дрова. А напротив меня, внимательно изучая мое лицо, сидела графиня Вяземская. Я осторожно поставил чашку на блюдце. Горячий чай понемногу возвращал меня к жизни. Только сейчас я понял, насколько промерз. Дождь вымочил меня до нитки, а многочасовая скачка оставила о себе память в каждой мышце. Графиня внимательно наблюдала за мной. Алексей Петрович, наконец произнесла она. За десять лет нашего знакомства я ни разу не видела, чтобы вы ехали ночью через поле в такую грозу. Что случилось? Я невольно улыбнулся. «Если бы я сам знал...» Решил проветрить голову. Она покачала головой. Неудачное время для прогулок. Я отпил еще чаю. Иногда лучше промокнуть под дождем, чем остаться там, где тебе не хочется быть. Графиня понимающе кивнула. Значит, опять поссорились с полковником Орловым? Я чуть не поперхнулся. Вы знаете Орлова? Конечно. Он ведь ваш частый гость. «Вот это новость...». Память действительно что-то подсказывала. Несколько раз высокий седой офицер приезжал в мое имение. Они с графиней пересекались на соседских приемах. Значит, это происходило еще до моего появления здесь. Он человек непростой, осторожно сказал я. Это самое мягкое определение, которое я слышала. Она улыбнулась краешком губ. Иногда мне кажется, что он знает завтрашний день лучше сегодняшнего. Я невольно усмехнулся. Возможно, вам не кажется. Графиня пристально посмотрела на меня. Сегодня вы говорите совсем иначе. Разве? Да. Раньше вы отвечали быстро. А теперь сначала думаете. Я пожал плечами. Люди меняются. За один день? Я промолчал. В комнате затрещали поленья в камине. За окнами продолжал шуметь дождь. Глаша бесшумно вошла, поставила на стол блюдо с жареной уткой, свежим хлебом и миской соленых грибов. Благодарю, кивнул я. Она смущенно улыбнулась и вышла. Ешьте, сказала графиня. Вид у вас такой, будто вы несколько дней ничего не ели. Я не стал спорить. Аппетит оказался зверским. Некоторое время слышался только стук приборов. Потом графиня неожиданно спросила: Алексей Петрович... вы когда-нибудь думали, что человек может начать жизнь заново? Я медленно поднял голову. Почему вы спрашиваете? Потому что сегодня вы смотрите на этот дом так, словно видите его впервые. Я обвел взглядом гостиную. Высокие потолки. Старинные портреты предков. Темный дубовый стол. Большие часы у стены. И вдруг... Часы. Они шли. Тихо. Ровно. Тик...Так...Тик...У меня перехватило дыхание. Это были точно такие же часы, как те, что показывал Орлов. Только со стрелками. И они были гораздо новее. Я не сводил с них глаз. Графиня заметила мой взгляд. Красивые, правда? Да... Странная вещь. Почему? Их подарил мне отец перед смертью. Она тоже посмотрела на часы. И наказал никогда никому не продавать. Откуда они у него? Не знаю. Она задумалась. Он рассказывал только одну историю. Я весь обратился в слух. Какую? Лет сорок назад, еще совсем молодым офицером, он заблудился зимой в лесу. Уже замерзал. И встретил какого-то незнакомца. Что было дальше? Незнакомец вывел его к дороге, а на прощание сказал: «Когда у вас родится дочь, отдайте ей эти часы. Когда-нибудь за ними придет человек, который не будет помнить собственного прошлого». Чашка в моей руке замерла. И... вы никому об этом не рассказывали? Никому. Она внимательно посмотрела на меня. До сегодняшнего дня. Я медленно поставил чашку. Почему именно сегодня? Графиня долго молчала. Потом тихо сказала: Потому что, Алексей Петрович... когда вы вошли в дом, часы остановились. Мы оба одновременно посмотрели на них. Маятник застыл. Секундная стрелка больше не двигалась. И в наступившей тишине из глубины дома вдруг донесся звук открывающейся входной двери. Хотя дворецкий десять минут назад собственноручно запер ее на засов.

Глава 8

Понимая, что история вновь начинает закручиваться по спирали, я неожиданно для самого себя взял графиню за руку. Пойдемте со мной. Она растерянно посмотрела на меня, но не стала вырывать ладонь. Я поднял подсвечник и повел ее по темному коридору. Пламя свечи дрожало от каждого нашего шага, отбрасывая на стены длинные причудливые тени. Куда вы меня ведете? испуганно прошептала графиня. Я ничего не ответил. Открыв одну из дверей, я увидел просторную спальню. На мгновение остановился, затем обернулся. В свете свечи ее лицо казалось совсем юным. В глазах смешались тревога, смущение и любопытство. Я осторожно обнял ее за плечи. Алексей Петрович... Что вы делаете? едва слышно произнесла она. В ее голосе не было гнева скорее растерянность. Если граф Иван Петрович проснется... беды не миновать. «Значит, старый граф действительно дома», мелькнуло у меня. Я нежно коснулся губами ее губ. Она не отстранилась, лишь закрыла глаза и на мгновение прильнула ко мне. Я снимал одежду с ее податливого тела и смотрел на эту увядшую красоту. Но не было отторжения. или это темнота придавала ее телу красоту. Я целовал ее распластанные груди со сморщенными сосками. Целовал ее тонкие губы заглатывая их целиком. Ее тело дрожало подо мной давно не ведавшая ласки и нежностей. Когда возбуждение накрыло ее она буквально схватила мой член и впихнула в себя и уткнувшись мне в грудь застонала. Ее бедра судорожно бились о мои, а руки обнимали мою спину. Дав ей остынуть я развернул ее и обхватил ее бедра. В темноте она была прекрасна и я влил в нее свою похоть. Взбивая внутри нее коктейль желания с страсти. За окнами бушевала гроза. Ветер стучал в ставни, а единственная свеча освещала комнату теплым золотистым светом. Время словно остановилось. Они долго сидели рядом, забыв обо всем вокруг, пока за окнами не начал стихать дождь. Наконец графиня тихо положила ладонь мне на плечо. Вам пора, Алексей Петрович, прошептала она. Иван Петрович поднимается очень рано. Если он увидит вас здесь... нам обоим несдобровать. В ее голосе слышались сожаление и тревога. Я молча кивнул. Благодарю вас... за эту ночь. Она грустно улыбнулась. Ступайте. Я осторожно вышел из спальни, бесшумно прикрыл за собой дверь и, следуя за сонным слугой, прошел в приготовленную для меня гостевую комнату. Лишь оказавшись один, я тяжело опустился на кровать. За окном еще гремел далекий гром. «Станный мир... подумал я, глядя в потолок. И чем дальше, тем меньше я понимаю, кто здесь играет моей судьбой: время, случай или я сам». С этой мыслью я закрыл глаза и почти сразу провалился в тяжелый, беспокойный сон. Проснулся я еще до рассвета. Несколько секунд лежал неподвижно, пытаясь понять, где нахожусь. Затем память медленно вернула события минувшего вечера: гроза, ночная скачка, гостеприимство графини Вяземской и странное чувство, будто сама судьба вновь подтолкнула меня туда, куда я вовсе не собирался. За окном занимался серый рассвет. Дождь прекратился, только редкие капли срывались с карниза. В дверь негромко постучали. Барин, не спите? раздался голос Глаши. Заходи. Девушка внесла медный таз с водой и чистое полотенце. Графиня просила передать, что завтрак будет подан через полчаса. Она уже собиралась выйти, но вдруг остановилась. И еще... Она просила не вспоминать при графе Иване Петровиче, что вы приехали ночью. Сказала, будто вы прибыли только под утро. Я внимательно посмотрел на девушку. Почему? Глаша замялась. Старый граф человек подозрительный. Если что не так поймет, шуму будет на всю округу. Я притянул к себе еще на старую горничную и задрал ее подол. Она смиренно стояла, глядя в пол. От нее приятно пахло исподним и меня снова накрыло возбуждением. Развернув ее, я похлопал по ее большой заднице и сунул своего неутомимого кобелька. Поелозив по ее промежностям, не стал кончать и шлепнув ее по задку отпустил. Она торопливо поклонилась и исчезла за дверью. Умывшись холодной водой, я оделся в уже просохшую одежду и спустился в столовую. Во главе длинного стола сидел сухощавый седовласый мужчина лет семидесяти с прямой осанкой военного. Его взгляд был цепким и внимательным. А вот и наш сосед, произнес он, поднимаясь. Алексей Петрович, рад видеть вас под моей крышей. Жаль только, повод для визита выбрала непогода. Я пожал протянутую руку. Она оказалась неожиданно крепкой. Благодарю за гостеприимство, Иван Петрович. Ста-

рый граф внимательно всмотрелся в мое лицо, словно пытался что-то вспомнить. Странно... У меня такое чувство, будто мы с вами уже встречались. Очень давно. Хотя этого, конечно, быть не может. От этих слов по спине пробежал холодок. Похоже, спираль времени снова делала очередной виток. Я улыбнулся старому графу и занял свое место за столом. Глаша, проходя мимо, поставила передо мной дымящуюся тарелку каши. Девушка была статная, румяная, с открытым деревенским лицом. Я невольно задержал на ней взгляд. Граф это заметил. А я смотрю, Алексей Петрович, вас к моей дворне тянет, произнес он и рассмеялся своим хриплым старческим смехом. Графиня тотчас вспыхнула. Иван Петрович... Я лишь развел руками. Что поделать? Молодость любит любоваться красотой, где бы она ни встретилась. Глаша смущенно опустила глаза, а граф снова громко расхохотался. Вот именно! Молодость она такая. Сегодня на служанку заглядится, завтра уже подвиг совершать готова. Графиня неодобрительно покачала головой, но спорить с мужем не стала. Некоторое время мы говорили о погоде, соседях и последних новостях губернии. Разговор тек спокойно и неторопливо. Наконец я отложил ложку. Иван Петрович, собираюсь сегодня в город. Да вот досадная неприятность приключилась. По дороге, видно, обронил кошель. Не сможете ли одолжить мне небольшую сумму? По возвращении сразу рассчитаюсь. Старый граф задумчиво пожевал губами. Просьба ему явно польстила. Деньги... Это дело поправимое. Но, признаться, давно хотел предложить вам одну сделку. Я вопросительно посмотрел на него. Продайте мне Нежин луг. Тот самый, что лежит на границе наших владений. Помнится, ваша покойная матушка приобрела его у моего отца. А мне все хочется вернуть землю обратно. Он хитро прищурился. По всему было видно, что разговор этот возникал уже не впервые. Я улыбнулся. Отчего же не продать? Если для вас это так важно, давайте решим вопрос сегодня. Старый граф даже привстал от неожиданности. Неужели согласны? Вполне. Бумагу! Чернила! крикнул он. Через несколько минут на столе уже лежал лист плотной бумаги. Я собственноручно составил расписку о продаже луга, поставил подпись и печать. Граф внимательно перечитал документ, после чего достал из письменного стола пачку ассигнаций. По рукам? По рукам. Мы крепко пожали друг другу руки. Лицо старого графа буквально сияло. Такой случай непременно следует отметить! Он поднялся из-за стола. У меня хранится одна замечательная бутылка. Настоящее французское вино. Берег ее много лет. С этими словами он вышел из столовой. Как только дверь закрылась, я подошел к графине. Алексей Петрович... тихо произнесла она, тревожно оглядываясь. Не бойтесь. Я осторожно коснулся ее руки. Нас могут увидеть... В ее голосе звучало не столько возмущение, сколько беспокойство. Наши взгляды встретились. На короткое мгновение она позволила себе улыбнуться, но тут же отступила на шаг. Глаша, стоявшая у буфета, деликатно отвернулась, словно ничего не замечая. Графиня глубоко вздохнула. Прошу вас... не сейчас. Но в ее голосе я уловил страсть. Глаша постой у двери приказал я. Вы сумасшедший прошептала графиня провожая взглядом прислугу. Но когда дверь закрылась бросилась мне на шею. как вы могли с Глашей укорила она меня. Но я уже задираю ее юбку. Графиня прислонилась к двери спиной и закрыла глазки. Я проник в ее полость она только ойкнула и уткнулась в мое плечо. Бедрa ее задвигались в такт моим. Она тяжело дышала от страха и волнения которое разжигало в ней азарт и возбуждение. Она застонала и начала бить меня шутливо по груди. Оставьте граф, полно вам, будет лепетала она. Я уже все вы успокоили мою душу и тело. А кто меня успокоит прошептал я и развернул ее. Она уперлась руками в двери. А я задрал ее многочисленные юбки и уже при свете дня рассмотрел ее еще не тронутый старостью задок. Удовлетворив свою похоть я обтерся ее подъюбником и отпустил ее. Она мягко высвободила руку и поспешила занять свое место. Но потом вскочила и убежала. Через несколько секунд дверь снова распахнулась. Старый граф торжественно вошел в столовую, держа в руках покрытую пылью темно-зеленую бутылку. Высоко подняв ее над головой, он с гордостью объявил: Господа! Настоящее бургундское! Еще отец мой привез его из Франции. Сегодня, по случаю нашего удачного соглашения, настало время открыть эту драгоценность!

Глава 9

Пить со старым графом не хотелось, но попробовать бургундское было бы любопытно, и я распил с ним по бокалу. Вино оказалось неожиданно мягким, с тонким ароматом вишни и дубовой бочки. Граф смаковал каждый глоток, словно вспоминал вместе с ним давно ушедшие годы. Хороший год, произнес он, покрутив бокал в пальцах. Еще мой отец велел спрятать несколько бочек в подвал. Тогда никто и представить не мог, сколько бурь переживет это поместье. Я молча кивнул. Вино приятно согревало, но голову почти не кружило. Гораздо сильнее меня занимали слова старика, и его странная манера время от времени внимательно всматриваться в мое лицо, словно он пытался узнать во мне кого-то давно умершего. Вы, сударь, человек необычный, наконец сказал граф. Смотрите на мир не так, как остальные. И мне кажется, судьба привела вас сюда не случайно. Он поставил бокал на стол и негромко добавил: После завтрака я покажу вам одну вещь. О ней знают лишь трое: я, графиня и мой старый управляющий. Если мои догадки верны, именно вам предстоит решить, что с ней делать. Граф поднялся из-за стола неторопливо, опираясь на резную трость. Идемте, произнес он. Пока слуги заняты хозяйством, нас никто не потревожит. Графиня хотела было что-то сказать, но, встретившись с мужем взглядом, лишь едва заметно покачала головой. Будьте осторожны, тихо произнесла она. Там давно никто не бывал. Мы прошли через длинную галерею, стены которой были увешаны потемневшими от времени портретами. Казалось, глаза изображенных дворян провожали нас до самого конца коридора. В дальнем крыле замка граф остановился перед старым гобеленом. Помогите-ка мне. Я отодвинул тяжелую ткань, и за ней обнаружилась дубовая дверь без ручки. Граф нащупал в каменной кладке скрытый рычаг. Раздался глухой щелчок, и дверь медленно приоткрылась. Из глубины потянуло прохладой и запахом старой бумаги. Мы спустились по узкой винтовой лестнице в небольшую комнату, освещенную единственным узким окном. Вдоль стен стояли книжные шкафы, а посередине находился массивный стол, покрытый картами, свитками и пожелтевшими записями. Это библиотека моего рода, сказал граф. Не самая ценная часть наследства, но самая опасная. Он осторожно развернул одну из карт. На ней были обозначены окрестные земли, однако рядом с привычными деревнями и реками виднелись символы, которых не было ни на одной известной мне карте. Мой прадед был убежден, что в этих местах существует нечто, что не подчиняется обычному ходу времени, продолжил граф. Многие сочли его безумцем. Но несколько поколений нашей семьи хранили эти записи, потому что слишком многое в них подтверждалось. Старик внимательно посмотрел мне в глаза. Когда вы появились в поместье, я сразу заметил одну странность. Вы удивляетесь вещам, которые любой человек нашего времени принимает как должное, и, напротив, совершенно спокойно воспринимаете то, что должно было бы показаться невероятным. Он сделал короткую паузу. Скажите честно... вы ведь не совсем из этого времени? В комнате повисла тишина. Где-то наверху глухо пробили старинные часы, а у меня возникло ощущение, что от ответа на этот вопрос зависит гораздо больше, чем просто доверие старого графа. Да, граф, сказал я, приняв самое загадочное выражение лица, на какое был способен. Я прибыл к вам... от ваших предков. Старик побледнел. От... моих предков? Именно. Просили передать, что они крайне недовольны тем, как вы ведете семейные дела. Граф судорожно сглотнул. И... что же теперь? Я тяжело вздохнул, будто подобные разговоры мне приходилось вести по десять раз на дню. Вообще-то я не хотел вмешиваться. Мечтал спокойно пожить, выспаться, вкусно поесть... Но ваши предки оказались людьми чрезвычайно настойчивыми. Я сделал драматическую паузу и понизил голос: Для завершения этого... э-э... потустороннего поручения потребуется мешок золота. Золота? Разумеется. Загробная канцелярия, знаете ли, бесплатно не работает. Граф испуганно кивнул. А если... не дать? Я посмотрел на потолок так, словно прислушивался к голосам из иного мира. Тогда, боюсь, они перейдут к плану «Б». А что такое план «Б»? Честно говоря, я не уточнял. Но слово «бесы» там точно звучало. Граф вздрогнул так, что едва не опрокинул стул. Бесы?! Да. Шумные, назойливые. По ночам стучат, цепями гремят, скотину

пугают, вино прокисает... В общем, соседи потом долго обсуждают. Не прошло и минуты, как старик уже тащил ко мне тяжелый кожаный мешок. Вот... здесь пятьсот золотых. Думаю... этого хватит? Я прикинул вес. На первое время... пожалуй. Внутри меня все ликовало, но снаружи я сохранял лицо человека, который ежедневно спасает аристократов от нашествия потусторонних сил. «Удивительное время, подумал я. Здесь достаточно говорить уверенным голосом, и люди сами несут тебе деньги.» Я уже собирался уходить, но вспомнил еще одну важную деталь. Ах да, граф. Да?! Для борьбы с древними проклятиями крайне вредна верховая езда. Правда? Исключительно вредна. Специалисты рекомендуют только удобную карету с мягкими сиденьями. И соблаговолите отдать мне вашу лучшую и молодую дворовую. Граф вытаращил глаза и произнес. Сейчас же распоряжусь! Через несколько минут я уже развалился на мягких подушках просторной кареты. Мешочек с золотом лежал под сиденьем а на против меня сидела молодая девка с узелком в руках.. Я похлопал ее ладонью по пухлым щекам. Вот что значит правильно подобрать аргументы. Карета плавно тронулась в сторону города. Где-то далеко в поместье граф, вероятно, уже благодарил предков за то, что они прислали такого удивительно дорогого, но, несомненно, очень компетентного спасителя. Карета мягко покачивалась на ухабах, увозя меня в сторону города. Напротив сидела дворовая девушка, которую старый граф отправил со мной в дорогу. Она была совсем юной на вид, но держалась спокойно и уверенно, словно не раз сопровождала господ в подобных поездках. Я отметил про себя, что граф умел подбирать прислугу: опрятная, молчаливая, внимательная. Девушка то и дело поправляла занавеску на окне, чтобы дорожная пыль не летела внутрь кареты. «Хороший вкус у старика, подумал я. И карету удобную дал, и кучер, похоже, знает свое дело. Осталось только надеяться, что за эту поездку с меня не потребуют доплату.» Мешок с золотом приятно оттягивал пол у моих ног. Я осторожно придвинул его сапогом поближе. «Интересно, мелькнула мысль, если каждый граф так легко расстаётся с золотом после пары загадочных фраз, то, может, мне стоит открыть "Агентство по снятию родовых проклятий"?» От этой идеи я невольно улыбнулся. Девушка бросила на меня вопросительный взгляд, но ничего не сказала. Не обращай внимания, пробормотал я. Это я о работе. Она кивнула, очевидно решив, что господа иногда разговаривают сами с собой. И, признаться, была недалеко от истины. Размеренное покачивание кареты, прохлада салона и сытый завтрак сделали свое дело. Я прислонился к мягкой спинке сиденья, положил руку на мешок с золотом для собственного спокойствия и незаметно для себя задремал, пока колеса мерно отсчитывали версты до города.

Глава 10

Под вечер карета миновала последние заставы и покатила по мощеным улицам старой Москвы. Город встретил нас привычной суетой. По улицам спешили купцы, ремесленники уже закрывали лавки, где-то звенели колокола вечерней службы, а над крышами медленно поднимался сизый дым от сотен печных труб. Я выглянул в окно. Все-таки Москва... пробормотал я. Только совсем не та, к которой я привык. Высоток не было и в помине. Вместо широких проспектов тянулись извилистые улочки, вдоль которых стояли деревянные дома вперемешку с каменными палатами. Повозок было столько, что временами карета двигалась не быстрее пешехода. Куда прикажете, барин? спросил кучер. Я задумался. В гостиницах этого времени я совершенно не разбирался. Рисковать тоже не хотелось. В самый приличный постоялый двор, ответил я. Такой, чтобы и спать можно было спокойно, и золото к утру не исчезло. Кучер усмехнулся. Понимаю, ваше благородие. Минут через двадцать карета остановилась перед добротным каменным зданием с широкой вывеской. Приехали. Хозяин постоялого двора встретил нас с учтивым поклоном. Стоило ему увидеть карету с графским гербом, как свободная комната нашлась удивительно быстро. Мне отвели просторную горницу на втором этаже с широкой кроватью, дубовым столом и небольшим окном, выходившим на оживленную улицу. Поднявшись в комнату, я первым делом запер дверь на засов. Затем положил мешок с золотом на стол и некоторое время просто смотрел на него. Ну что ж, сказал я самому себе. Еще утром я

проснулся без гроша в кармане, а теперь сижу в Москве с целым состоянием. Похоже, жизнь в прошлом начинает мне нравиться. Я развязал мешок, и в свете свечи золотые монеты весело блеснули. Только бы не проснуться завтра и не узнать, что все это мне приснилось, усмехнулся я, снова крепко затянув шнурок на мешке. За окном постепенно сгущались сумерки. Где-то внизу слышались голоса постояльцев, звон кружек и смех. Москва готовилась ко сну, а мне предстояло решить, с чего начать новую жизнь в этом времени. Жить в гостинице мне совсем не хотелось. Комната была добротной, хозяин вежливым, но мысль о том, что мешок с золотом лежит буквально в нескольких шагах от десятка незнакомцев, не давала покоя. Я подошел к окну и задумался. «Так... Кто же здесь может меня принять?» Память перебирала лица, пока наконец не всплыло одно имя граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон. Мой отец был с ним дружен, и граф не раз гостил у нас. Я хорошо помнил его спокойный голос, неизменную улыбку и привычку говорить, что двери его дома всегда открыты для друзей. Что ж, проверим, распространяется ли это правило и на сыновей друзей, пробормотал я. Я расплатился с хозяином за постой, велел кучеру снова запрягать лошадей и назвал адрес. Карета неторопливо покатила по вечерней Москве. Чем дальше мы удалялись от постоялого двора, тем тише становились улицы. Каменные особняки сменяли торговые ряды, у ворот домов дремали дворники, а редкие прохожие спешили закончить свои дела до наступления темноты. Наконец кучер придержал лошадей. Приехали, ваше благородие. Передо мной возвышался старинный особняк с высоким кованым забором. У ворот горели два фонаря, а на чугунной калитке поблескивал герб владельцев. Я выбрался из кареты, поправил сюртук и невольно усмехнулся. «Интересно, узнает ли он меня... или сначала прикажет выставить за ворота?» Не успел я подняться по ступеням, как тяжелая дверь открылась. На пороге появился пожилой дворецкий с безупречной осанкой. Добрый вечер, сударь. Чем могу служить? Я слегка поклонился. Передайте графу, что к нему прибыл сын его старого друга. Если он дома, буду признателен за несколько минут разговора. Дворецкий внимательно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на карету и, заметив графский герб на дверце экипажа, почтительно кивнул. Будьте любезны подождать в гостиной. Я немедленно доложу его сиятельству. Переступая порог особняка, я поймал себя на мысли, что сейчас волнуюсь куда сильнее, чем тогда, когда убеждал старого графа спасти свой род от выдуманных бесов. Гостиная оказалась просторной и уютной. На стенах висели семейные портреты, в камине потрескивали дрова, а на небольшом столике лежали свежие газеты и несколько французских книг. Я подошел к окну. «Если память меня не подвела, сейчас откроется дверь, войдет высокий седой граф и первым делом спросит, не голоден ли я.» Не прошло и минуты, как за дверью послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась. Где он? Где сын моего старого друга? В комнату вошел высокий мужчина лет сорока с живыми глазами и аккуратно подстриженной бородой. Он остановился в нескольких шагах, внимательно посмотрел на меня, потом неожиданно широко улыбнулся. Бог мой.. Да ты же вылитый отец! Он подошел ближе и крепко обнял меня. Сколько лет прошло... Как он? Здоров? Почему сам не приехал? Я почувствовал, как улыбка медленно исчезает с моего лица. Боюсь, граф... ответить на этот вопрос не так просто. Он сразу стал серьезным. Понимаю... Значит, разговор будет долгим. Граф жестом пригласил меня сесть. Иван! крикнул он в сторону двери. Мгновенно появился дворецкий. Накройте на двоих. И распорядитесь приготовить комнату для нашего гостя. Самую лучшую. Будет исполнено, ваше сиятельство. Дворецкий исчез так же бесшумно, как появился. Граф снова повернулся ко мне. А теперь рассказывай. Что привело тебя в Москву? Я задумался. Рассказать правду? Что я человек из другого времени? После сегодняшней истории с золотом мне и самому стало казаться, что судьба слишком уж благосклонна к хорошим выдумкам. Но обманывать человека, который искренне рад меня видеть, совершенно не хотелось. Скажем так... медленно произнес я. Дорога сюда оказалась весьма необычной. Настолько необычной, что вы можете счесть меня сумасшедшим. Граф неожиданно рассмеялся. Молодой человек, за свою жизнь я видел картежников, алхимиков, изобретателей вечного двигателя, человека,

который уверял, будто умеет разговаривать с медведями, и одного чиновника, который честно отказался от взятки. После последнего меня уже трудно чем-либо удивить. Я невольно расхохотался. Значит, шанс у меня есть? Более чем. В этот момент в гостиную вошли слуги, неся серебряный самовар, чайный сервиз и подносы с горячими пирогами. Я посмотрел на угощение и понял, что после всех сегодняшних приключений именно горячий чай был сейчас нужнее любых философских разговоров. Граф заметил мой взгляд и улыбнулся. Сначала ужин. Любая история воспринимается гораздо убедительнее, когда рассказчик сыт. Это правило я усвоил еще в молодости. Полностью с вами согласен, граф. Вот и прекрасно. А после ужина, мой друг, ты расскажешь мне такую историю, которую, подозреваю, никто в Москве еще не слышал.

Глава 11

Ужин затянулся почти до полуночи. Граф оказался превосходным собеседником: он рассказывал столичные новости, вспоминал забавные случаи из молодости и то и дело интересовался моим мнением о происходящем в России. Я отвечал осторожно, стараясь не проговориться. Иногда приходилось делать вид, будто задумался, хотя на самом деле я мысленно проверял каждое слово. Когда слуги убрали со стола и дворецкий бесшумно закрыл за собой дверь, в гостиной остались только мы. Граф налил себе немного коньяка и вопросительно посмотрел на меня. Теперь, пожалуй, можно и к главному. Я глубоко вздохнул. Только обещайте не перебивать. Обещаю. И не вызывать врача. Граф усмехнулся. Постараюсь. Я несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Представьте себе человека, который ложится спать в одно время, а просыпается в другом. Для него проходит одна ночь, а для окружающего мира целое столетие. Улыбка постепенно исчезла с лица графа. Продолжай. Именно это произошло со мной. Я рассказал все. О странном пробуждении, о встрече со старым графом, о поместье, о дороге в Москву и о том, как оказался в этом времени. Лишь об истории с бесами и золотом я решил благоразумно умолчать. Граф слушал не перебивая. Иногда он хмурился, иногда качал головой, но ни разу не рассмеялся. Когда я закончил, в комнате воцарилась тишина. Он медленно поднялся, подошел к окну и долго смотрел на темный сад. Знаешь... наконец произнес он. Если бы эту историю рассказал кто-нибудь другой, я велел бы проводить его до ворот и посоветовал хорошего врача. А сейчас? Он повернулся ко мне. А сейчас я вижу перед собой сына человека, которого уважал всю жизнь. И вижу человека, который не похож ни на лжеца, ни на безумца. Граф задумчиво потер подбородок. Кроме того... есть одна странность. Какая? Когда ты вошел в дом, мне показалось, будто я уже видел тебя. Не сегодня. И даже не вчера. Где же? Лет тридцать назад. Я удивленно посмотрел на него. Это невозможно. Вот именно. Поэтому я никому об этом не рассказывал. Он подошел к старому книжному шкафу, достал небольшой резной ларец и поставил его на стол. Открыв крышку, граф осторожно вынул пожелтевшую фотографию. Посмотри. Я взял снимок. На фотографии стояли несколько человек. В центре молодой офицер, рядом с ним пожилой мужчина в сюртуке. А чуть поодаль... У меня похолодело внутри. На снимке был человек, невероятно похожий на меня. Та же прическа, те же черты лица и даже привычка слегка наклонять голову. Я медленно поднял глаза на графа. Кто это? Вот это, мой дорогой друг, я и надеялся услышать от тебя. Неожиданно двери гостиной распахнулись, и в комнату почти впрорхнула круглолицая, немного полноватая графиня. Ее живое лицо сияло добродушной улыбкой, а в глазах светилось неподдельное любопытство. Увидев меня, она сразу остановилась. Дорогой, у нас гости? весело спросила она, легко коснувшись губами щеки графа. У нас очень дорогой гость, с улыбкой ответил хозяин дома. Дети уже спят? Да, кивнула графиня. Уснули сразу после вечерней сказки. Она повернулась ко мне. Позволь представить. Граф Тушкин Александр Петрович, сын моего старого друга и боевого товарища. Я поднялся, поклонился и почтительно поцеловал хозяйке руку. Для меня большая честь познакомиться с вами, графиня. Добро пожаловать в Москву, дорогой граф, произнесла она своим мягким грудным голосом. Надеюсь, наш дом покажется вам уютнее любого постоянного двора. Она внимательно посмотрела на меня, словно оценивая

не только костюм, но и характер. Позвольте задать один нескромный вопрос. Слушаю вас. Вы женаты? Я на мгновение растерялся. Пока еще нет. Графиня весело рассмеялась. Ах, вот оно что! Тогда, Александр Петрович, вы приехали как нельзя вовремя. Я вопросительно поднял брови. Почему же? Потому что в Москве найдется немало маменек, считающих своим долгом как можно скорее познакомить с вами своих дочерей. Граф тихонько кашлянул. Дорогая... Что "дорогая"? с притворной невинностью спросила она. Разве я сказала неправду? Я невольно улыбнулся. Боюсь, графиня, вы меня несколько пугаете. И правильно делаю, с лукавой улыбкой ответила она. Если хотите прожить в Москве спокойно, научитесь вовремя уворачиваться от приглашений на семейные обеды. За одним таким обедом вас могут незаметно обручить. Даже граф не выдержал и рассмеялся. Видишь, Александр Петрович, теперь ты понимаешь, кто на самом деле управляет этим домом. Я всегда это знал, с достоинством ответила графиня. Просто не каждый муж готов признаться в этом вслух. Мы дружно рассмеялись. Господа, не желаете еще чаю? спросила хозяйка. Благодарю, ответил граф. Мы уже успели выпить по чашке. В таком случае не буду вам мешать. Я распоряжусь приготовить для нашего гостя лучшую спальню. И прошу вас, Александр Петрович, почувствуйте себя здесь как дома. Дом друзей моего мужа открыт и для его друзей. Она приветливо кивнула мне и, шелестя платьем, вышла из гостиной. Граф проводил супругу теплым взглядом и, когда дверь закрылась, с улыбкой произнес: Не обращай внимания на ее расспросы. Она искренне любит устраивать чужие судьбы. Пока ей это не слишком удастся, но надежды она не теряет. Глядя на хозяев дома, я невольно отметил, насколько необычной казалась эта супружеская пара. Высокий, статный сорокалетний граф рядом с невысокой, круглолицей двадцатисемилетней графиней выглядел человеком совсем иного склада. Однако стоило им обменяться несколькими взглядами или парой слов, как становилось ясно: они по-настоящему счастливы вместе. В доме царили спокойствие и теплота, а трое детей были лучшим подтверждением их семейного счастья. История самого графа была не менее удивительной, чем его нынешнее положение при дворе. После женитьбы по высочайшему повелению императрицы он получил право именоваться графом Сумароковым. У отца его супруги не было наследников по мужской линии, и старинный титул вместе с фамилией перешел к зятю, чтобы сохранить род. О происхождении самого Феликса ходило немало слухов. Одни утверждали, что он был незаконнорожденным сыном прусского короля, другие уверяли, что его судьбой с раннего детства занималась сама российская императрица. Как бы там ни было, при дворе к нему относились с особым уважением. Многие считали его почти членом императорской семьи, поэтому двери высшего общества и императорских резиденций были для него открыты. Впрочем, сам граф никогда не любил говорить о своем происхождении. Если разговор заходил о прошлом, он обычно лишь улыбался и переводил беседу на другую тему, словно считая, что человека определяет не кровь, а его собственные поступки.

Глава 12

Оставшись в своей комнате, я заметил, что моя дворовая девушка Маша уже лежит в постели, согревая ее для меня. От этой заботы на душе стало тепло. Но сон не шел. Мне захотелось пройтись по дому. Было уже далеко за полночь. Огромный особняк погрузился в тишину, и вскоре я понял, что заблудился. Освещая путь тяжелым подсвечником с тремя горящими свечами, я медленно шел по длинным коридорам, пока не услышал тихий плач ребенка. Дверь в одну из комнат была слегка приоткрыта. Я осторожно вошел. На широкой кровати крепко спала кормилица, а рядом с ней, тихонько всхлипывая, лежал младенец. Эта картина показалась мне удивительно трогательной. Я подошел, осторожно взял малыша на руки и прижал к себе. У меня никогда не было ни детей, ни внуков, хотя мысль о большой семье не раз приходила мне в голову. От ребенка пахло теплым молоком. Вскоре я понял причину его беспокойства: пеленки промокли. За годы службы приходилось справляться с самыми разными трудностями. Найдя чистую простыню, я аккуратно перепеленал малыша. Если солдат умеет ловко наматывать портянки, то и с пеленанием младенца как-нибудь справится. Немного пока-

чав ребенка на руках, я дождался, пока он успокоится и заснет, после чего бережно уложил его на край кровати. Кормилица так и не проснулась. «Вот ведь крепко спит», невольно подумал я. Подойдя ближе, я почувствовал, что от нее исходит тонкий аромат дорогих духов. Это меня удивило. «Странно... Откуда у простой дворни такие духи? Неужели позаимствовала у барыни?» мелькнула мысль. Я еще раз взглянул на спящую женщину. Она казалась удивительно теплой и уютной. Осторожно присев рядом, я невольно залюбовался ее спокойным лицом. В этот момент она слегка пошевелилась, словно пробуждаясь от сна. Обняв женщину, я вдруг почувствовал, что она пошевелилась. Моя рука нащупала ее мягкий живот и груди. Моя рука тут же стала мокрой от молока. Я развернул ее к себе и припал к ее груди наслаждаясь сладким молоком. Она подалась все телом ко мне и запустила меня к себе. Она была молочной мамой и молоко легко наполняло мой рот. Увлеченный этим я не заметил как она начала судорожно дёргаться и запускать меня глубже испытывая оргазм. Оторвав свои губы от ее сосков, я поцеловал ее. Феликс.. сонно прошептала она. Я застыл. «Феликс?» Возбуждение мгновенно слетело с меня. Но мой член был уже в ней. Женщина медленно открыла глаза. Несколько секунд она смотрела на меня, явно не понимая, что происходит. Затем ее взгляд стал совершенно осмысленным. Сударь... тихо произнесла она. Я машинально отпрянул. Только теперь при свете трех свечей я разглядел вышитый золотом ворот ночного халата, тонкое кружево на рукавах и кольцо с крупным сапфиром. Это была вовсе не кормилица. Это была графиня. Наступила такая тишина, что было слышно, как за окном потрескивает мороз. Я медленно перевел взгляд на младенца. «Ну конечно...» Ребенок мирно сопел, а графиня, очевидно, задремала рядом с ним, пока укладывала его спать. Ваше сиятельство... начал я, чувствуя, что впервые в жизни не могу подобрать слов. Она села на кровати, поправила волосы и внимательно посмотрела на меня. Александр Петрович... произнесла она совершенно спокойно. Не соблаговолите объяснить, каким образом вы среди ночи оказались в детской? Я честно развел руками. Заблудился. Она вопросительно подняла бровь. Заблудились? Дом у вас огромный. Искал свою комнату, услышал плач ребенка, увидел, что малыш мокрый, перепеленал его... а потом решил разбудить кормилицу. Графиня посмотрела на аккуратно спеленутого сына, затем снова на меня. И поэтому... легли рядом? Я тяжело вздохнул. Вот этот пункт моей версии действительно звучит неубедительно. Несколько секунд графиня сохраняла серьезное выражение лица. Потом неожиданно рассмеялась. Надеюсь, Феликсу я никогда не расскажу эту историю. Очень рассчитываю на ваше милосердие. Это будет зависеть от того, насколько успешно вы завтра будете делать вид, что сегодняшней ночи вовсе не существовало. Я облегченно выдохнул. Похоже, судьба решила, что одного мешка золота на сегодня вполне достаточно, а вот неловких приключений можно было добавить с избытком. Мне было ужасно неловко. Я отвел взгляд, чувствуя, как щеки предательски начинают гореть. Графиня смотрела на меня с легким смущением, но в глубине ее глаз плясали озорные искорки. Казалось, вся эта нелепая ситуация ее скорее забавляла, чем сердила. Простите меня, наконец произнес я. Я был уверен, что в комнате спит кормилица. Услышал плач ребенка, зашел успокоить его, перепеленал... А потом увидел, что женщина даже не проснулась. Мне и в голову не пришло, что это можете быть вы. Она тихо улыбнулась. Значит, вы решили наказать бедную кормилицу? спросила графиня, едва сдерживая смех. Я окончательно смутился. Теперь, когда вы произнесли это вслух, звучит еще глупее, чем было на самом деле. Она не выдержала и рассмеялась. Смех у нее оказался тихим, искренним и удивительно теплым. Должна признаться, сказала она, за всю жизнь со мной еще никто не знакомился столь необычным способом. Я покачал головой. Поверьте, сударыня, если бы я хоть на мгновение догадался, кто находится в этой комнате, то немедленно ушел бы. Она внимательно посмотрела на меня, словно пытаясь понять, говорю ли я искренне. Затем ее улыбка стала мягче. Зато теперь я знаю, произнесла графиня, что человек, который среди ночи первым делом успокаивает плачущего ребенка, а уже потом начинает задавать вопросы, не может быть дурным человеком. Несколько мгновений мы молчали. За

высоким окном шумел ветер, где-то в глубине дома мерно отбивали часы. Ребенок спокойно спал, лишь иногда тихонько вздыхая во сне. Вы необычный человек, первой нарушила молчание графиня. Большинство мужчин на вашем месте испугались бы скандала и принялись оправдываться. А вы сначала позаботились о ребенке. На войне быстро понимаешь, что сначала нужно сделать дело, а потом искать виноватых, ответил я. Наверное, эта привычка так и осталась со мной. Она задумчиво кивнула. Я проснулась еще тогда, когда вы взяли малыша на руки, призналась она. Мне стало любопытно, что будет дальше. Я видела, как вы искали чистую ткань, как осторожно перепеленали его... Не каждый отец сумел бы так бережно обращаться с младенцем. Я невольно улыбнулся. Боюсь, это всего лишь солдатская смекалка. Нет, тихо возразила графиня. Смекалка помогает найти выход. Но терпение и доброта совсем другое. Мне стало неловко от такой похвалы. Значит, вы все это время не спали? Она опустила глаза и с улыбкой покачала головой. Нет. Просто мне было интересно посмотреть на человека, которого судьба так неожиданно привела в этот дом. Я посмотрел на мирно спящего ребенка. Чей он? Лицо графини сразу стало серьезнее. Мой сын. Я удивленно взглянул на нее. Простите... Я думал... Что я слишком молод? с легкой грустью закончила она. Многие так думают. Она осторожно поправила одеяло, укрывая малыша. Днем здесь еще слышны голоса слуг, а ночью кажется, будто сами стены вспоминают прошлое. Я не нашелся что ответить. Мы молча смотрели на ребенка. В этой тишине уже не было неловкости лишь странное чувство, словно случайная встреча посреди ночи открыла между нами дверь, существования которой мы оба еще вчера не подозревали. Наконец графиня поднялась с кровати и, запахнув теплую шаль, тихо сказала: Уже поздно. Если граф узнает, что его гость заблудился в доме, он будет смеяться надо мной целую неделю. Она подошла к двери и, обернувшись, добавила с едва заметной улыбкой: А завтра за завтраком я сделаю вид, что этой ночи вовсе не было. Если, конечно, вы сами не захотите ее вспомнить. С этими словами она приоткрыла дверь, приглашая меня выйти в темный коридор. Мы вышли в темный коридор. Пламя трех свечей дрогнуло от сквозняка, бросая на стены длинные тени. Графиня уверенно шла впереди, словно знала каждый поворот этого огромного дома. Я молча следовал за ней, чувствуя, что случайная ночная встреча оставила после себя больше вопросов, чем ответов. Вы ведь действительно заблудились? спросила она вполголоса. К своему стыду, да. Дом оказался куда больше, чем я представлял. Она тихо усмехнулась. В детстве и я здесь постоянно терялась. Отец говорил, что хороший хозяин обязан знать каждый угол своего дома, а я знала только те комнаты, где можно было спрятаться с книгой. Мы остановились у высокого окна. Лунный свет серебрил сад, старые липы и неподвижную гладь пруда. Красиво, произнес я. Особенно ночью, согласилась графиня. Днем здесь слишком много людей, а ночью дом становится самим собой. Некоторое время мы молчали. Скажите, неожиданно спросила она, вы всегда так спокойно относитесь к детям? Я пожал плечами. Не знаю. Просто... мне всегда казалось, что ребенок не должен плакать, если рядом есть взрослый, который может ему помочь. Она внимательно посмотрела на меня. Станные слова для человека, который большую часть жизни провел на службе. Может быть, именно поэтому, ответил я. Там слишком часто видишь человеческое горе. После этого начинаешь ценить самые простые вещи: тепло дома, детский смех, спокойную ночь. В ее взгляде мелькнула задумчивость. Теперь я понимаю, почему муж так быстро проникся к вам симпатией. Я вопросительно посмотрел на нее. Он редко ошибается в людях. Если уж граф пригласил кого-то в свой дом, значит, увидел в нем нечто большее, чем просто случайного гостя. Мы подошли к лестнице. Дальше вы уже не заблудитесь, сказала графиня. Ваша комната вторая дверь справа. Я кивнул. Благодарю вас... и еще раз прошу простить за это нелепое недоразумение. Она улыбнулась. Думаю, через несколько лет мы оба будем вспоминать эту ночь со смехом. Она уже хотела уйти, но вдруг остановилась. Кстати... духи. Что? Те самые, которым вы так удивились. Я смущенно кашлянул. Признаться, я действительно решил, что они принадлежат хозяйке дома. Графиня едва заметно покраснела. Так и есть. Они принадлежат хозяйке. Лишь теперь до меня оконча-

тельно дошло, насколько нелепыми были мои предположения. Я невольно рассмеялся, а вслед за мной рассмеялась и она. Тихий смех быстро затих, чтобы не разбудить весь дом. Спокойной ночи, сказала графиня. Спокойной ночи, сударыня. Она скрылась за поворотом коридора, а я еще несколько секунд стоял неподвижно, глядя на колеблющееся пламя свечей. Только сейчас я понял, что заблудился в этом старом доме не напрасно.

Глава 13

Вернувшись в свою комнату, я тихонько прикрыл за собой дверь. Три свечи в подсвечнике почти догорели, наполняя комнату мягким золотистым светом. Усталость, о которой я совсем забыл, навалилась разом. Маша по-прежнему спала. Она свернулась калачиком под одеялом, словно стараясь сохранить тепло. Услышав мои шаги, девушка едва заметно пошевелилась, но не проснулась. Я осторожно поставил подсвечник на столик и начал раздеваться, стараясь не издать ни звука. Затем так же тихо лег рядом. Постель была теплой. От Маши исходило спокойное домашнее тепло, которого так не хватало после долгих лет походной жизни. Чтобы не потревожить ее сон, я лишь осторожно обнял девушку за плечи. Она сонно вздохнула, на мгновение прижалась ко мне крепче и, не открывая глаз, снова затихла. Я улыбнулся. Странный выдался день. Еще вчера я не знал ни этого дома, ни его обитателей. А теперь лежал в старинной усадьбе, вспоминая ночной разговор с графиней, смех в темном коридоре и мирно спящего младенца. Мысли постепенно становились все медленнее. За окном едва слышно шелестели деревья, где-то вдалеке ухнула сова, а старые часы мерно отсчитывали уходящие минуты. Закрыв глаза, я впервые за долгое время почувствовал себя в безопасности. С этой спокойной мыслью сон незаметно овладел мной. Утро выдалось прекрасным. Я давно не спал так крепко и спокойно. Проснувшись, я сладко потянулся и отбросил одеяло. Мужской организм жил по своим законам, и, взглянув на себя, я лишь усмехнулся. Вот ведь жизнь, пробормотал я себе под нос. Лег спать рядом с девушкой, а проснулся с вполне ожидаемыми последствиями. В этот момент проснулась Маша. Она лишь бросила на меня короткий взгляд, будто ничего необычного не заметила, и, не говоря ни слова, принесла кувшин свежей воды и полотенце. Благодарю, сказал я. Умывшись и приведя себя в порядок, я переоделся. Вскоре в дверь негромко постучали. Барин, вас к завтраку приглашают. Спустившись в столовую, я увидел, что графа уже нет. Муж уезжает на службу очень рано, сказала графиня, приглашая меня за стол. В ее голосе чувствовалось легкое смущение, словно воспоминание о нашей ночной встрече еще не успело покинуть ее мысли. Завтрак проходил спокойно. На столе стояли свежий хлеб, масло, сыр, яйца, горячая каша и дымящийся чай. Через некоторое время графиня внимательно посмотрела на меня. И чем же вы собираетесь заниматься сегодня? Я задумался. Четкого плана у меня не было. Все происходило слишком быстро, и пока я лишь присматривался к новому для себя миру. Наверное, мои мысли отразились на лице, потому что графиня улыбнулась прежде, чем я успел ответить. В таком случае позвольте начать с самого необходимого. И с чего же? Она окинула взглядом мой военный мундир. Вас нужно прилично одеть. Мундир вам, безусловно, идет, но носить его каждый день не самая удачная мысль. В светском обществе это, как говорят французы, *не комильфо*. Признаться, улыбнулся я, другого гардероба у меня попросту нет. Значит, это легко исправить, ответила графиня. После завтрака мы съездим к лучшему портному города. Если вы теперь гость нашего дома, то и выглядеть должны соответственно. Я с сомнением посмотрел на свой мундир. Если честно, сударыня, за долгие годы службы я привык, что одежда должна быть прежде всего удобной. До моды мне никогда не было дела. Графиня улыбнулась. Именно поэтому вам и нужна моя помощь. Поверьте, хороший костюм способен рассказать о человеке не меньше, чем его манеры. Надеюсь, он не окажется тяжелее моего мундира. Она тихо рассмеялась. Нет. Но карманы у него будут гораздо вместительнее. Мы закончили завтрак. Лакей тут же убрал со стола, а графиня подошла к окну. Во дворе уже готовили экипаж. Кучер проверял сбрую, конюх успокаивал нетерпеливо перебиравших копытами лошадей. Карета будет готова через четверть часа, сказала она. Если не

возражаете, сначала заедем к портному, затем к сапожнику, а после прогуляемся по главным улицам. Вы ведь почти ничего не видели в нашем городе. С удовольствием. Для меня здесь все в новинку. Поднявшись в свою комнату, я снова посмотрел на себя в зеркало. Военный мундир сидел безукоризненно, но графиня была права. Среди мирных людей он выглядел слишком сурово и словно отделял меня от окружающих. Когда я спустился, у крыльца уже ждала карета. Лакей распахнул дверцу. Графиня легко поднялась по ступенькам и села у окна. Я занял место напротив. Карета мягко тронулась. За воротами усадьбы открылись широкие улицы. Каменные особняки соседствовали с лавками ремесленников, по мостовой стучали колеса экипажей, прохожие спешили по своим делам. Торговцы громко расхваливали товар, мальчишки носились между рядами, а возле булочной уже выстроилась очередь аромат свежего хлеба чувствовался даже через окно кареты. Я с интересом разглядывал город. Вам нравится? спросила графиня. Очень. Каждый новый город похож на книгу. Пока не пройдешься по его улицам, не узнаешь, что скрывается за красивым переплетом. Она одобрительно кивнула. Тогда начнем читать его с первой страницы. Карета остановилась перед двухэтажным зданием с большими витринами. Над входом висела искусно выполненная вывеска с золотыми буквами. Через стекло были видны рулоны дорогих тканей, готовые сюртуки и жилеты, выставленные на деревянных манекенах. Приехали, сказала графиня. Если хозяин не изменил своим привычкам, он уже ждет первых клиентов. Она вышла из кареты, обернулась ко мне и с улыбкой добавила: Только прошу вас... не спорьте с портным. Для него нет ничего страшнее клиента, который уверен, что лучше знает, как следует одеваться. Графиня оказалась непреклонной. Одним костюмом мы не обойдемся, заявила она таким тоном, что спорить было бессмысленно. В итоге портной снял с меня мерки и записал внушительный заказ: пять костюмов разных фасонов, новый мундир, несколько жилетов и сорочек. Затем мы отправились к сапожнику, где заказали три пары сапог, пять пар туфель, а также перчатки и несколько шляп, подобранных к каждому костюму. Когда все дела были закончены, время уже приближалось к обеду. Карета неспешно покатила обратно к усадьбе. Теперь вы будете выглядеть как настоящий дворянин, с довольной улыбкой сказала графиня. Надеюсь, одежда не изменит моего характера. Хороший костюм меняет лишь первое впечатление, ответила она. Все остальное зависит от человека. Когда мы въехали во двор, у крыльца уже стояла карета графа. Муж вернулся, тихо произнесла графиня. Едва экипаж остановился, она поспешила в дом. Ее ждали дети, и она торопилась к ним. Я поднялся к себе, желая немного отдохнуть перед обедом. Открыв дверь своей комнаты, я сразу понял, что вошел не вовремя. Граф находился в спальне вместе с Машей. Я молча прикрыл дверь и так же тихо отошел. Не было никакого желания ставить хозяина дома или девушку в неловкое положение. В подобных отношениях между помещиком и дворовой прислугой в те времена окружающие, как правило, не видели ничего необычного, и потому я решил просто сделать вид, что ничего не заметил. Не желая возвращаться в дом раньше времени, я вышел в парк. День стоял удивительно теплый. Я медленно шел по тенистым аллеям, любуясь старыми деревьями. Их густая зелень еще не тронулась осенней желтизной, листья тихо шелестели под легким ветерком, а где-то неподалеку переливались птичьи голоса. После шумного города и утренней суеты эта прогулка казалась настоящим подарком. Я глубоко вдохнул свежий воздух и впервые за долгое время почувствовал, как мысли становятся спокойнее, а душа легче.

Глава 14

Спасибо, услышал я за спиной голос графа. Я обернулся. Он стоял на дорожке парка с неизменной улыбкой, заложив руки за спину. За что же? искренне удивился я. Граф негромко рассмеялся. За подарок, дорогой мой. Признаться, я не рассчитывал на такую щедрость с вашей стороны. Я непонимающе посмотрел на него. Боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы. Да полно вам, махнул рукой граф. Привести в мой дом такую девушку...девственницу. Это дорогого стоит. Только теперь я догадался, что речь идет о Маше. Позвольте, ваше сиятельство, возразил я. Я никого вам не приводил. Она появилась здесь раньше меня. Граф снова рассмеялся.

Знаю, знаю. Просто люблю наблюдать за тем, как люди начинают оправдываться, хотя никто их ни в чем не обвиняет. Он похлопал меня по плечу. Не беспокойтесь. Маша получила хорошее воспитание и всегда отличалась скромностью. Сегодня она впервые улыбалась так искренне, как я давно не видел. За это я вам действительно благодарен. Я покачал головой. Если так, значит, причиной была не моя персона, а сам сегодняшний день. Вы слишком скромны, ответил граф. Иногда человеку достаточно встретить того, кто относится к нему с уважением, чтобы он стал другим. Некоторое время мы молча шли по аллее. Наконец граф остановился возле старого дуба и, уже совершенно серьезно, произнес: Знаете... Я все утро думал о вас. Вы человек необычный. Война оставляет на людях тяжелый след, а вы, несмотря ни на что, не растеряли способности замечать добро. Таких людей немного. Я ничего не ответил. Осенний ветер едва слышно шелестел листвой, и мне показалось, что этот разговор для графа был куда важнее, чем его шутка в самом начале. И еще, сказал граф, когда мы неспешно пошли по аллее. Я намерен определить вас на службу. Я удивленно посмотрел на него. На службу? А почему бы и нет? Раз уж судьба привела вас в Москву, то и государству послужить не грех. Да и жалованье лишним никогда не бывает. Благодарю за заботу, ваше сиятельство, но... Граф не дал мне договорить. Я человек при дворе. Попрошу государыню Александру Федоровну найти для вас достойное место. Думаю, служба при императрице подойдет вам куда лучше всего остального. Я даже остановился. Да полно вам, ваше сиятельство! воскликнул я. Какая служба при дворе? Если уж служить, то где-нибудь в гарнизоне. Я человек военный, а не придворный. Граф добродушно усмехнулся. Вот именно поэтому я и говорю о дворе. Не понимаю. Потому что вы еще не знаете московских нравов. Стоит вам явиться в любой столичный гарнизон, как местные генералы живо найдут способ поставить вас на место. Здесь слишком много самолюбия, слишком много интриг и слишком мало людей, которые готовы терпеть рядом с собой человека с собственным мнением. Он сделал небольшую паузу и продолжил уже серьезнее: При дворе все иначе. Пока вы будете под покровительством моей тетушки самой императрицы, никто не рискнет вставлять вам палки в колеса. Осмотритесь, привыкнете к столице, заведете знакомства. А уж потом, если захотите вернуться в строй, никто не станет вам препятствовать. Вы все уже решили за меня, с улыбкой заметил я. Почти, рассмеялся граф. Но последнее слово, разумеется, остается за вами. Только не торопитесь отказываться. Иногда судьба открывает дверь лишь однажды, и глупо не заглянуть, что находится по ту сторону. Я задумчиво посмотрел на графа. Не скрою, ваше сиятельство, придворная жизнь меня пугает куда больше любого поля боя. Это почему же? улыбнулся он. На войне все проще. Там сразу видно, кто друг, кто враг. Там честь измеряется поступками. А при дворе, насколько я слышал, одно неосторожное слово может оказаться опаснее пули. Граф довольно кивнул. Именно поэтому вам и не следует идти туда одному. Рядом будет человек, который вовремя объяснит, когда лучше промолчать, а когда можно говорить. И этим человеком будете вы? По мере сил. Мы медленно дошли до беседки и присели на широкую деревянную скамью. Послушайте меня внимательно, сказал граф уже без тени улыбки. Государыня ценит людей не за громкие титулы. Она умеет замечать честность. А честных людей при дворе всегда не хватает. Но у меня нет ни громкой фамилии, ни состояния. Это поправимо. Доброе имя зарабатывают не родословной, а делами. Я усмехнулся. Вы говорите так, будто уже получили мое согласие. Нет, ответил граф. Но знаю, что вы человек рассудительный. А потому прежде подумаете, чем отказаться. Он поднялся со скамьи. Завтра утром я еду в Зимний дворец. Государыня обычно принимает меня после полудня. Поедете со мной. Что? Так сразу? А чего тянуть? Если знакомиться, то с теми людьми, от которых действительно зависит судьба человека. Я вздохнул. Если честно, мне немного не по себе. Это совершенно естественно. Не бойтесь дворца. Там живут такие же люди, только окруженные большим количеством церемоний. Мы направились к дому. На крыльце нас уже ожидал дворецкий. Ваше сиятельство, обед подан. Граф потер руки. Вот и прекрасно. Все важные разговоры лучше продолжать за хорошим столом. Когда мы вошли в столовую, гра-

финя уже сидела на своем месте. Она подняла глаза и, заметив наши серьезные лица, сразу поняла, что между нами состоялся какой-то важный разговор. Господа, с улыбкой сказала она, надеюсь, вы не успели за время прогулки поспорить? Напротив, ответил граф, занимая свое место во главе стола. Я сделал нашему гостю предложение, от которого, надеюсь, он не станет отказываться. Графиня вопросительно посмотрела сначала на мужа, потом на меня. И что же это за предложение? Если все сложится удачно, сказал граф, очень скоро вы будете завтракать не просто с отставным офицером, а с человеком, состоящим на службе при дворе. Я едва не поперхнулся, а графиня, заметив мое смущение, лишь улыбнулась и тихо произнесла: Тогда, пожалуй, пять новых костюмов мы заказали весьма предусмотрительно.

Глава 15

После шумного и сытного обеда граф снова отправился по своим делам. Я поднялся в свою комнату. Маша уже была там. Завидев меня, она смущенно опустила глаза, словно чувствовала себя виноватой. Я не собирался ее упрекать. Напротив, мне было немного неловко. Девушка была молода, зависела от хозяев дома и вряд ли могла распоряжаться собственной судьбой. Я все чаще ловил себя на мысли, что стоит попросить графа выделить мне другую спальню. С этими мыслями я прилег отдохнуть. Проснувшись ближе к вечеру, я умылся холодной водой и решил еще раз пройтись по дому. Огромная усадьба по-прежнему казалась мне настоящим лабиринтом, и я хотел наконец запомнить расположение комнат и коридоров. Неожиданно тишину нарушил тревожный плач младенца. Я сразу узнал это место и направился к знакомой спальне. Войдя, я увидел графиню Елену Сергеевну. Она сидела возле колыбели, едва сдерживая слезы. Рядом стоял доктор, пожилой немец с аккуратной седой бородкой. Он только что закончил осмотр маленького Феликса и выглядел растерянным. Что случилось? спросил я. Доктор тяжело вздохнул. У ребенка лихорадка. Я подошел ближе. Лицо малыша покраснело, дыхание было частым и неровным и тело сковывало судорогой. Позвольте, сказал я. Доктор молча отступил. Я осторожно взял Феликса на руки, затем уложил его на кровать. Есть уксус или водка? спросил я. Служанка тотчас выбежала из комнаты и вскоре вернулась с бутылкой уксуса. Я попросил приготовить слабый раствор, смочил мягкое полотенце и начал осторожно обтирать ручки, ножки и лоб ребенка. Через несколько минут дыхание Феликса стало ровнее, судороги прекратились, а жар начал понемногу спадать. Доктор удивленно посмотрел на меня. Простите... Вы врач? Военный врач, коротко ответил я. На войне каждому приходится быть понемногу и хирургом, и терапевтом, и санитаром. Доктор смущенно кивнул. Пожалуй, сегодня вы помогли больше, чем я. Он поклонился графине и тихо вышел из комнаты. Елена Сергеевна проводила его взглядом, затем повернулась ко мне. Значит, вы и вправду врач? Я покачал головой. Прежде всего я солдат. Но война учит многому. Там быстро понимаешь, что ждать помощи бывает некогда. Графиня осторожно коснулась лба сына. Кажется, жар действительно уменьшается... Пока рано радоваться, ответил я спокойно. Нужно внимательно наблюдать за ним. Пусть чаще пьет, если сможет. Если в доме есть малиновое варенье, приготовьте теплое питье с небольшим его количеством. И продолжайте осторожные обтирания, если жар снова усилится. Она благодарно посмотрела на меня. Вы уже второй раз приходите на помощь моему сыну. Я улыбнулся, поправляя одеяло на маленьком Феликсе. Просто сегодня судьба снова привела меня к его колыбели. Будем надеяться, что завтра повод для встречи будет куда более радостным. Может быть... осторожно произнес я, обращаясь к графине. Не найдется ли для меня спальня поближе к комнате маленького Феликса? Если ночью ему снова станет хуже, я смогу быстрее прийти на помощь. Елена Сергеевна на мгновение смутилась. По выражению ее лица было заметно, что мою просьбу она сначала поняла совсем иначе. Однако почти сразу взяла себя в руки и, повернувшись к дворецкому, спокойно распорядилась: Приготовьте для нашего гостя соседнюю комнату. Пусть все необходимое будет перенесено до вечера. Слушаюсь, ваше сиятельство. Я с благодарностью поклонился. Благодарю вас. Так мне будет гораздо спокойнее. И мне тоже, тихо ответила

графиня, бросив взгляд на колыбель сына. К вечеру домой вернулся граф. Едва он снял перчатки и передал трость лакею, как дворецкий доложил ему о моем переезде. Граф удивленно поднял брови, а затем широко улыбнулся. Друг мой, примите мою искреннюю благодарность. За что на этот раз? рассмеялся я. Он лукаво подмигнул. Вы настоящий джентльмен. Я непонимающе посмотрел на него. Вместо того чтобы устраивать сцены ревности или требовать особого отношения, вы без лишних слов уступили свою горничную и даже сами попросили переселить вас. Признаюсь, такой деликатности я давно не встречал. Я покачал головой. Боюсь, вы приписываете мне слишком благородные мотивы. Я всего лишь хотел быть поближе к вашему сыну. После сегодняшнего приступа мне будет спокойнее, если ночью я окажусь рядом. Улыбка графа стала серьезнее. Он крепко пожал мне руку. Тем более спасибо. Забота о Феликсе лучший повод, какой только можно было придумать. За последние два дня вы сделали для нашей семьи больше, чем иной знакомый за многие годы. В этот момент в дверях появилась графиня. Она слышала последние слова мужа и, встретившись со мной взглядом, лишь тепло улыбнулась. Новая спальня уже готова, сказала она. Надеюсь, теперь и вам, и нам всем будет спокойнее. Дворецкий взял мой небольшой дорожный сундук и повел меня по длинному коридору. Вот здесь, сударь. Он распахнул дверь. Комната оказалась немного меньше прежней, зато очень уютной. Высокое окно выходило в сад, у стены стояла широкая кровать, рядом письменный стол красного дерева, книжный шкаф и старинные часы, мерно отсчитывавшие время. За этой дверью покои графини, негромко пояснил дворецкий, указывая на стену справа. А через небольшую гостиную находится детская. Я кивнул. Благодарю. Когда слуга ушел, я поставил дорожную сумку возле шкафа и выглянул в окно. Солнце уже клонилось к закату. Длинные тени легли на дорожки парка, а вдалеке слышался смех детей. В дверь осторожно постучали. Войдите. На пороге появилась графиня. Простите, что беспокою, сказала она. Я хотела еще раз поблагодарить вас за Феликса. Не стоит благодарности. Надеюсь, как он себя чувствует? Ее лицо сразу просветлело. Жар почти совсем прошел. Он даже улыбнулся кормилице и немного поел. Это хорошая новость. Она ненадолго замолчала. Знаете... Сегодня я впервые за долгое время не боюсь наступления ночи. Я посмотрел на нее. Почему? Последние недели Феликс часто болел. Каждый вечер я засыпала с мыслью, что могу не услышать его плач или не успеть позвать доктора. Теперь рядом есть человек, который не растеряется. Мне стало неловко. Не возлагайте на меня слишком больших надежд. Я могу ошибаться, как и любой другой. Но вы не теряете голову, тихо ответила графиня. Иногда именно это и спасает. Она уже собиралась уходить, когда в коридоре послышались тяжелые шаги графа. Вот вы где! весело сказал он, входя без всяких церемоний. Проверяешь нового соседа, Лена? Графиня слегка покраснела. Я лишь хотела узнать, удобно ли нашему гостю. Не сомневаюсь, что удобно, рассмеялся граф. Эта комната всегда считалась самой тихой в доме. Если не считать детского плача. Он подошел к окну и хлопнул меня по плечу. Завтра с утра никуда не уходите. Почему? Я получил ответ. Нас ждут во дворце. Я удивленно посмотрел на него. Так быстро? При дворе любят любопытные истории. А рассказ о военном, который успокоил моего сына лучше именитого доктора, оказался весьма кстати. Я невольно улыбнулся. Надеюсь, вы не слишком приукрасили события? Граф сделал вид, что задумался. Совсем немного... Иначе кто бы стал меня внимательно слушать? Графиня покачала головой. Феликс, когда-нибудь твои рассказы погубят тебя. Возможно, весело ответил он. Но пока они открывают нужные двери. Он снова повернулся ко мне. Поэтому ложитесь пораньше. Завтра вам предстоит познакомиться с людьми, которых обычно видят лишь издали. А первое впечатление, как известно, запоминается надолго. Когда граф с графиней ушли, в дверь моей новой комнаты негромко постучали. Войдите. На пороге появился дворецкий. Сударь, поскольку Маша возвращается к другим обязанностям, его сиятельство распорядился определить к вам другую девушку в услужение. В этом нет особой необходимости, ответил я. Я привык обходиться своими силами. Дворецкий вежливо улыбнулся. Понимаю. Но таков порядок в доме. У каждого гостя должна быть прислуга. Он слегка посторонился.

В комнату вошла молодая девушка лет двадцати. Она была невысокого роста, в аккуратном темном платье с белым передником. Остановившись у двери, она сделала глубокий реверанс. Это Дарья, представил ее дворецкий. Все в доме зовут ее Дашей. Она будет следить за порядком в ваших комнатах, готовить одежду, приносить воду и выполнять ваши поручения. Рад знакомству, Даша. Девушка подняла глаза и несмело улыбнулась. И я рада служить вам, барин. Когда дворецкий ушел, в комнате на несколько секунд воцарилось молчание. Прежде всего, сказал я, хочу, чтобы вы не боялись меня. Кричать без причины я не привык, а работу, которую могу сделать сам, постараюсь не перекладывать на других. Дарья удивленно посмотрела на меня. Неужели барин сам будет сапоги чистить? Я рассмеялся. На службе бывало и похуже. Так что с сапогами как-нибудь справлюсь. Девушка смущенно улыбнулась. В доме говорят, вы спасли маленького Феликса. Не спас, а лишь помог. Надеюсь, дальше мальчик поправится уже без моего участия. Дарья подошла к шкафу, аккуратно развесила мой мундир, поставила начищенные сапоги у кровати и расправила покрывало. Если ночью вам что-нибудь понадобится, позвоните в колокольчик. Моя комната через коридор. Я заметил небольшой бронзовый шнурок возле изголовья кровати. Хорошо. Но надеюсь, тревожить вас не придется. Дарья снова присела в реверансе. Спокойной ночи, барин. Когда дверь за ней закрылась, я оглядел новую комнату. За стеной едва слышно заплакал Феликс, и почти сразу послышался спокойный голос графини. Дом постепенно затихал. Я подумал, что за несколько дней успел стать здесь почти своим человеком, хотя совсем недавно был всего лишь случайным гостем.

Глава 16

К вечеру мой старый мундир был тщательно вычищен, но граф распорядился, чтобы к утру портной непременно доставил новый. Завтра во дворец, напомнил он. Там каждая мелочь имеет значение. Я лишь улыбнулся. После насыщенного дня усталость взяла свое, и я лег спать раньше обычного. Не знаю, сколько прошло времени, когда я почувствовал, как чья-то горячая ладонь осторожно коснулась моего плеча. Я открыл глаза. В полумраке комнаты стояла графиня Елена Сергеевна. Лицо ее было бледным, а в глазах читалась усталость. Что с вами? сразу спросил я, поднимаясь с постели. Она виновато улыбнулась. Похоже... я заразилась от Феликса. Голос ее дрожал. Я приложил ладонь к ее лбу. Жар был сильным. Присядьте, спокойно сказал я. Сейчас разберемся. Она опустилась на край кровати, стараясь сохранять самообладание. Во время осмотра я обратил внимание, что одна из молочных желез была напряжена и болезненна при прикосновении. Графиня невольно вздрогнула. Больно? спросил я. Она кивнула. С утра становилось все хуже. Феликс отказывается брать эту грудь, а боль только усиливается. Я понимающе кивнул. Похоже, образовался застой молока. Из-за этого может подняться температура. Она с тревогой посмотрела на меня. И что теперь делать? Нужно освободить молочную железу. Иначе воспаление может усилиться. Постарайтесь сохранять спокойствие. Надо отсосать молоко произнес я присел у ее ног. Мои губы коснулись ее соска и стали нежно отсасывать. Несколько минут спустя напряжение стало заметно меньше. Графиня облегченно выдохнула, словно боль понемногу отпускала. Я помог ей устроиться удобнее и снова приложился к ее груди. Уже лучше, сказала она. Но это только начало. Завтра обязательно нужно будет продолжать сцеживание, чаще прикладывать малыша к больной стороне, если он сможет сосать, и внимательно следить за температурой. Если жар не спадет или состояние ухудшится, необходимо снова позвать доктора. Она благодарно посмотрела на меня. Вы второй раз за эти дни приходите мне на помощь. Просто оказался рядом в нужный момент. Графиня покачала головой. Нет... Вы умеете не терять голову тогда, когда другие начинают паниковать. А можете еще отсосать молоко попросила она смущаясь. Я присел на коленки а она раздвинула ноги. Я обнял ее грудь ладонями и стал сосать молоко. Теплые сладкие струйки наполняли мой рот. А ее ладошки ласкали мою спину. В какой то момент она притянула меня и опрокинулась на спину. Струйка молока брызгала на ее круглый животик и стекала вниз. Я склонился над нею и слизал молоко с ее животика. Щекотно прошептала она притягивая меня

к себе. Я отсосал молоко до конца массируя грудь ладонками а графиня уже получала второй оргазм. Испугавшись этого .Она поднялась. Жар еще не совсем отступил, но движения ее стали заметно свободнее. У самой двери графиня остановилась, обернулась и с теплой улыбкой произнесла: Благодарю вас. Иногда мне начинает казаться, что вы появляетесь именно тогда, когда нашей семье больше всего нужна помощь. С этими словами она тихо вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Я еще некоторое время сидел на краю кровати, прислушиваясь к затихающим шагам в коридоре. Старый дом снова погрузился в ночную тишину. Утром весь дом уже был на ногах. Из своей комнаты я вышел на голоса и детский смех, доносившиеся из столовой. Картина, открывшаяся передо мной, напоминала скорее уютный семейный праздник, чем утро в доме знатного дворянина. Графиня Елена Сергеевна, одетая в легкий домашний халат, с распущенными волосами, ходила по комнате, укачивая на руках маленького Феликса и негромко напевая какую-то колыбельную. Малыш, к моему облегчению, выглядел совершенно здоровым и спокойно разглядывал комнату. Два старших сына графа с громким смехом носились вокруг большого обеденного стола, то и дело прячась за креслами отца. Сам граф, удобно устроившись в своем любимом кресле, наблюдал за этим домашним беспорядком с таким довольным видом, словно ничего прекраснее на свете и быть не могло. Мое появление никто не встретил с официальной сдержанностью. А вот и наш семейный доктор! весело воскликнула графиня. Я невольно улыбнулся. Граф поднялся мне навстречу и крепко пожал руку. Доброе утро, друг мой. Старшие мальчишки тут же окружили меня, наперебой рассказывая что-то о своих деревянных саблях, игрушечной крепости и планах на сегодняшний день. Дом наполнился смехом и оживленными разговорами. Мы дружно сели завтракать. За столом царила удивительно непринужденная атмосфера. Граф шутил, графиня время от времени поправляла детей, Феликс мирно посапывал у нее на руках, а мне вдруг показалось, будто я уже давно являюсь частью этой семьи. Во время завтрака дворецкий внес длинный деревянный футляр. Заказ доставлен, ваше сиятельство. Граф довольно потер ладони. Наконец-то. Футляр открыли. Внутри лежал мой новый мундир. Темно-зеленое сукно, золотое шитье, безукоризненно отполированные пуговицы работа портного оказалась превосходной. Примерьте, с улыбкой сказал граф. Я поднялся к себе и через несколько минут вернулся уже в новом мундире. Графиня одобрительно улыбнулась. Теперь вы выглядите так, словно всегда принадлежали к лучшему обществу. Граф обошел меня кругом, внимательно осмотрел и удовлетворенно кивнул. Именно так. Теперь можно ехать. Он взял со столика перчатки и трость. Нас ожидает важный визит. Постарайтесь держаться спокойно и говорить только тогда, когда к вам обращаются. Остальное я беру на себя. Я молча кивнул. Через несколько минут наша карета уже катила по утренним улицам Москвы, направляясь к дворцу, где нас ожидала аудиенция у матери императрицы, Александры Федоровны. Впереди меня ждал день, который, как я чувствовал, мог изменить всю мою дальнейшую судьбу.

Глава 17

Во дворце нас приняли без долгих церемоний. Граф уверенно провел меня по знакомым коридорам, и вскоре мы вошли в просторные личные покои вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Увидев графа, она радостно поднялась ему навстречу. Феликс, дорогой мой! Она обняла его и по-матерински поцеловала в лоб. Ну, рассказывай, как поживает мой любимый племянник? Как здоровье? Как дети? Граф ласково улыбнулся. Благодаря Богу, все хорошо, тетушка. Только теперь императрица заметила меня. Она с любопытством взглянула в мою сторону и, поправив полы домашнего халата, спросила: А кого это ты привел в мои покои? Моего друга, с заметной гордостью ответил граф. Графа Тушкина Александра Петровича. Боевой офицер, дослужился до капитана, награжден за службу Отечеству. А кроме того, человек удивительных способностей. Благодаря ему Феликс уже бегаёт по дому, а Елена Сергеевна забыла о своем недуге. Я поклонился. Граф Тушкин Александр Петрович. К вашим услугам, ваше величество. Императрица с интересом посмотрела на меня. Так это вы лечите

семейство моего племянника? Граф улыбнулся. Именно так. Она тихонько рассмеялась. Какое счастливое совпадение! А у меня с самого утра шея так болит, что я с трудом поворачиваю голову. Не посмотрите ли и меня, доктор? Отступать было уже поздно. Даже граф, кажется, не ожидал такого поворота событий и теперь с любопытством наблюдал за происходящим. Если позволите, ваше величество. Императрица села на небольшой пуфик. Я осторожно прощупал мышцы шеи. Они были напряжены, особенно в области основания затылка. Прошу принести немного водки и чистое полотенце, обратился я к лакею. Через минуту все было готово. Я растер ладони, осторожно размял напряженные мышцы, затем смочил руки водкой и снова выполнил легкое растирание. Закончив, несколько минут мягко массировал затылок и плечи, после чего укутал шею теплым полотенцем. Императрица сидела с закрытыми глазами. Через некоторое время она глубоко вдохнула и медленно повернула голову сначала вправо, потом влево. На ее лице появилась удивленная улыбка. Какая легкость... Будто с плеч сняли тяжелый камень. Она открыла глаза и ласково посмотрела на графа. Спасибо тебе, Феликс. Ты, как всегда, не забываешь свою старую тетюшку. Граф поклонился. Это не мне, а Александру Петровичу следует говорить спасибо. Он сделал шаг вперед. Собственно, именно по этому поводу мы и приехали. Я хотел просить ваше величество принять моего друга на государственную службу. Императрица задумалась лишь на мгновение. Затем лицо ее просияло. Какое удивительное совпадение! После недавних изменений при дворе как раз освободилась одна придворная должность. Она поднялась и подошла ко мне. Александр Петрович, если вы согласны служить престолу столь же честно, как служили Отечеству на поле брани, я с удовольствием принимаю вас ко двору. Я почтительно поклонился. Для меня это великая честь, ваше величество. Императрица улыбнулась. В таком случае своим соизволением назначаю вас личным обер-форшнейдером при моем дворе. Я невольно перевел взгляд на графа. Тот сиял от радости так, словно высокую должность получил не я, а он сам. Поздравляю, друг мой, тихо сказал граф. Кажется, сегодня для вас начинается совершенно новая жизнь. Я поклонился, все еще не вполне понимая, как за одно утро моя судьба успела так круто измениться. Благодарю за оказанное доверие, ваше величество. Постараюсь оправдать его честной службой. Императрица с улыбкой кивнула. Это я уже успела заметить. Мой племянник редко ошибается в людях. Она подошла к окну и на мгновение задумалась. Знаете, Александр Петрович, при дворе нужны не только люди знатного происхождения. Нужны люди, которым можно доверять. Титулы наследуют, а верность и порядочность приобретают собственными поступками. Граф одобрительно улыбнулся. Именно это я и пытался объяснить своему другу. Я развел руками. Признаюсь, ваше величество, я ожидал чего угодно, но только не столь скорого решения. Иногда самые правильные решения принимаются быстро, ответила императрица. Особенно если их подсказывает сердце. Она хлопнула в ладоши. В покои вошел пожилой камергер с папкой под мышкой. Подготовьте все необходимые бумаги. С завтрашнего дня граф Тушкин приступает к своим обязанностям. Кроме того, распорядитесь выдать ему соответствующий мундир и представить придворным чинам. Будет исполнено, ваше величество. Камергер почтительно поклонился и удалился. Императрица вновь обратилась ко мне: До тех пор поживите спокойно у моего племянника. Освойтесь в Москве. При дворе не любят суеты, но ценят выдержку. Слушаюсь, ваше величество. Граф довольно потер руки. Ну вот, Александр Петрович, теперь вы официально принадлежите к нашему кругу. Не уверен, что успел к этому привыкнуть. И не нужно, рассмеялась императрица. Ко двору невозможно привыкнуть за один день. Иногда на это уходят годы. Мы еще немного беседовали о здоровье детей графа, о предстоящем сезоне приемов и о Москве. Атмосфера оказалась неожиданно непринужденной: вдовствующая императрица говорила без высокомерия, а граф время от времени вставлял забавные истории, заставляя ее искренне смеяться. Наконец она поднялась. Феликс, не забывай навещать старую тетюшку. Как можно, ваше величество. И обязательно привози с собой своего... семейного доктора. Она с улыбкой посмотрела на меня. Чувствую, его советы мне еще пригодятся. Поклонившись, мы

покинули покои. Лишь когда за нами закрылись двери, граф не выдержал и громко рассмеялся. Друг мой, ты невозможный человек! Почему? Я шел просить для тебя место при дворе, а ты первым делом принялся лечить императрицу. Признаюсь, такого начала службы я не мог представить даже в самых смелых мечтах. Мы вышли во двор дворца. Карета уже ожидала нас у подъезда. Когда экипаж тронулся, граф посмотрел на меня уже совершенно серьезно. А теперь начинается самое трудное. Что именно? Научиться жить так, чтобы при дворе уважали не только твой чин, но и тебя самого. Поверь, это гораздо сложнее, чем получить назначение.

Глава 18

Карета неторопливо покатила по московским улицам. Некоторое время мы ехали молча. Я смотрел в окно, пытаюсь осмыслить все, что произошло за это утро. О чем задумались? спросил граф. О том, что еще неделю назад я не представлял, как окажусь в Москве, а сегодня уже получил назначение ко двору. Граф усмехнулся. Такова жизнь. Она любит неожиданные повороты. Он снял перчатку и постучал пальцем по стеклу кареты. Теперь слушайте внимательно. При дворе есть свои правила, и лучше узнать их заранее. Я слушаю. Первое. Никогда не принимайте участие в чужих спорах. Сегодня один министр прав, завтра другой. А виноватым всегда остается тот, кто слишком много говорил. Я кивнул. Второе. Никому не обещайте того, чего не сможете исполнить. Это и без двора разумно. Именно поэтому вы мне и нравитесь, улыбнулся граф. И третье. Никогда не забывайте, что ваше главное достоинство не титул и не новая должность. А что же? То, что вы не боитесь испачкать руки, если человеку нужна помощь. Он немного помолчал. Сегодня вы не думали о том, что перед вами вдовствующая императрица. Вы увидели человека, которому больно. Именно это она и заметила. Я опустил взгляд. Честно говоря, в тот момент я просто выполнял свою работу. Вот именно. Не переставайте быть таким. Карета остановилась возле ворот усадьбы. Дворецкий уже ожидал нас на крыльце. Ваше сиятельство, вам доставили бумаги из дворца. Отлично, сказал граф. Несите в кабинет. Мы прошли в дом. Через несколько минут дворецкий внес большую кожаную папку с государственной печатью. Граф внимательно просмотрел документы и передал их мне. Поздравляю. Все оформлено. Я раскрыл папку. Там лежал указ о моем назначении, несколько листов с придворными правилами, пропуск во дворец и перечень моих обязанностей. Прочтите внимательно, сказал граф. Особенно последние страницы. Я пролистал документ. Здесь сказано, что мне полагается служебная квартира при дворце. Полагается. Тогда зачем мне оставаться у вас? Граф улыбнулся. Потому что квартира пока не готова. Да и спешить с переездом я бы не советовал. У нас вам рады. В этот момент в кабинет заглянула графиня. Вы уже вернулись? Вернулись, ответил граф. И с хорошими новостями. Она посмотрела на меня. Судя по вашим лицам, аудиенция прошла удачно. Более чем, рассмеялся граф. Наш гость теперь официально состоит на придворной службе. Елена Сергеевна искренне обрадовалась. Я вас поздравляю, Александр Петрович. Благодарю. Она подошла ближе. Значит, сегодня вечером непременно будет праздничный ужин. Вот это правильное решение! поддержал граф. Велю открыть бутылку моего лучшего бургундского. Такой день нельзя оставлять без праздника. Графиня с улыбкой покачала головой. Только обещайте не заставлять нашего гостя выпить весь погреб. Обещаю, рассмеялся граф. Но один бокал за начало новой службы он выпить обязан. В комнате воцарилась теплая, почти домашняя атмосфера. Я смотрел на этих людей и вновь ловил себя на мысли, что судьба удивительным образом свела меня с семьей, которая за столь короткое время стала мне почти родной. К вечеру столовая вновь наполнилась голосами. На длинном дубовом столе уже стояли блюда с жарким, пирогами, соленьями и графины с домашними наливками. В камине потрескивали дрова, а за окнами медленно сгущались осенние сумерки. Граф поднялся с бокалом. Господа, сегодня у нас есть достойный повод. Наш друг Александр Петрович вступает на государственную службу. Пожелаем ему честной службы, крепкого здоровья и таких же верных друзей, какие, надеюсь, будут окружать его всю жизнь. Мы чокнулись бокалами. Благодарю вас, сказал я. Признаюсь, несколько дней назад я и представить не мог, что окажусь за этим

столом среди людей, которых уже считаю своей семьей. Графиня тепло улыбнулась. Значит, мы не ошиблись, открыв для вас двери нашего дома. Разговор постепенно перешел на более легкие темы. Старшие мальчики наперебой рассказывали о своих проделках, спорили, кто быстрее научится ездить верхом и кому отец первым разрешит взять в руки настоящее охотничье ружье. Не раньше, чем научитесь отличать зайца от собственной собаки, смеясь, ответил граф. Дети дружно засмеялись. После ужина мужчины перешли в кабинет. Граф достал из шкафа деревянную шкатулку с сигарами. Курите? Уже давно бросил. Завидую, признался он, убирая шкатулку обратно. Никак не хватает силы воли. Он налил нам по рюмке коньяка. Александр Петрович, теперь поговорим серьезно. Я приготовился слушать. Завтра вас представят нескольким людям при дворе. Среди них будут те, кто искренне порадует вашему назначению, и те, кто задастся вопросом, каким образом неизвестный капитан оказался так близко к императорской семье. И что мне отвечать? Правду. Что именно? Что вас рекомендовал я. Что вы честно служили армии. Что вы помогли моей семье, когда это было необходимо. Никаких выдумок и никаких попыток казаться важнее, чем вы есть. Я кивнул. Это нетрудно. Вот и хорошо. Он немного помолчал, глядя на огонь в камине. А еще... держитесь подальше от придворных сплетен. Они опаснее дуэлей. На дуэли противник стоит перед вами, а сплетня наносит удар из-за спины. В дверь тихонько постучали. В кабинет вошла графиня. Простите, что прерываю вас, господа. Она посмотрела на меня. Александр Петрович, Феликс уже уснул. Перед сном я измерила ему температуру. Жара больше нет. Эта новость почему-то обрадовала меня сильнее, чем собственное назначение. Благодарю, что сообщили. Нет, ответила графиня. Это вам спасибо. Если бы не вы... Она не закончила фразу, но ее взгляд говорил больше любых слов. Когда она ушла, граф, улыбаясь, покачал головой. Видите? Иногда самое большое признание приходит не в виде ордена или высокого чина. А в виде простого человеческого "спасибо"? Именно так, мой друг, ответил граф. И поверьте старому придворному: такие слова стоят гораздо дороже многих наград. После сытного ужина и нескольких бокалов старого бургундского приятная усталость окончательно взяла верх. Мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись по своим комнатам. Я уснул почти сразу. Все складывалось так неожиданно хорошо, что казалось почти невероятным. Еще совсем недавно я был одиноким офицером, а теперь судьба подарила мне друзей, дом, новую службу и людей, которым я оказался нужен. Под утро меня разбудил едва слышный скрип двери. Я открыл глаза. В полумраке комнаты стояла графиня Елена Сергеевна. Она осторожно прикрыла за собой дверь и, приложив палец к губам, едва слышно прошептала: Ни слова... Неслышными шагами она подошла к кровати и опустилась рядом. Утром вы уедете, тихо сказала она. А двор... двор умеет забирать людей. Там дни складываются в недели, недели в месяцы. Боюсь, что после сегодняшнего дня мы еще долго не увидимся. В ее голосе звучала не тревога, а тихая печаль. Она взяла меня за руку. Мне хотелось попрощаться... по-человечески. Несколько мгновений мы просто сидели молча. Потом она приблизилась и легко коснулась губами моей щеки. Спасибо вам, Александр Петрович, прошептала она. За моего сына... за мое спокойствие... за то, что вы появились в нашем доме именно тогда, когда были так нужны. Я осторожно сжал ее ладонь. Я никогда не забуду вашу семью. Она грустно улыбнулась. И я надеюсь, что вы не забудете нас. Я опрокинул ее на спину и впился в ее сосок. Она помогала мне снимать одежду лаская меня поцелуями. Высосав молоко я впился в ее губы и ее накрыло оргазмом. Я задрал ее ноги и бился о ее бедра своими. Она сначала с ужасом а потом с благоговением смотрела на меня. И ее снова накрыл оргазм. Я вынул член и кончил ей на лицо. Затем размазал ладонью и начал слизывать слизь с ее лица. Она притянула меня к себе. Я лег на ее мягкий живот и ее снова накрыл оргазм. Ты удивительный любовник прошептала она мне на ухо. Графиня медленно поднялась. У самой двери она остановилась, словно собираясь сказать что-то еще, но лишь покачала головой. В ее глазах блеснули слезы. Это были самые счастливые дни за долгое время, едва слышно произнесла она. Она тихо вышла, бесшумно закрыв за собой дверь. В комнате еще долго оставался едва

уловимый аромат ее любимых духов. Я лежал, глядя в темный потолок, понимая, что иногда самые короткие встречи оставляют в памяти самый глубокий след.

Глава 19

Утром дом проснулся раньше обычного. Я уже успел собрать свои немногочисленные вещи. Новый мундир сидел безукоризненно, сапоги были начищены до блеска, а дорожный сундук стоял у дверей. К завтраку собрались все, кроме графини. Я невольно посмотрел на ее пустое место. Елена Сергеевна просила извинить ее, спокойно сказал граф, заметив мой взгляд. Она с самого утра занимается детьми. Феликс чувствует себя хорошо, но мать есть мать не отходит от него ни на шаг. Я молча кивнул. Вскоре подали кофе, свежий хлеб, масло и горячие пироги. Завтрак прошел непривычно тихо. Даже мальчики сегодня вели себя спокойнее обычного, словно чувствовали, что в доме происходят перемены. Закончив есть, граф поднялся. Ну что ж, Александр Петрович, пора. Во дворе уже ожидала карета. Дворецкий помог уложить мой сундук, лакеи заняли свои места на запятках. Я обернулся на дом. В окне второго этажа на мгновение мелькнул знакомый силуэт. Графиня едва заметно подняла руку в прощальном жесте. Я снял фуражку и молча поклонился. Через секунду занавеска вновь сомкнулась. Граф ничего не сказал. Лишь понимающе посмотрел на меня и пригласил садиться. Карета тронулась. Некоторое время мы ехали молча. Москва постепенно просыпалась. По мостовым уже гремели телеги, открывались лавки, спешили по своим делам мастера и чиновники. Ну вот, друг мой, наконец произнес граф. Сегодня начинается ваша новая жизнь. А старая, выходит, закончилась? Он улыбнулся. Нет. Она просто станет фундаментом для новой. Никогда не стыдитесь того, кем были раньше. Именно это привело вас туда, куда вы едете сейчас. Карета въехала на широкую площадь перед дворцом. У подъезда уже ожидал камергер. Увидев графа, он почтительно поклонился. Ваше сиятельство, ее величество уже ожидает вас. И господина графа Тушкина также просили не задерживаться. Граф поправил перчатки и, обернувшись ко мне, тихо сказал: Запомните этот день, Александр Петрович. С него начинается не просто служба. С него начинается новая глава вашей жизни. Мы поднялись по широкой мраморной лестнице и скрылись за высокими дверями императорского дворца. За высокими дверями дворца нас уже ожидал камергер. Он почтительно поклонился графу, затем внимательно посмотрел на меня. Александр Петрович Тушкин? К вашим услугам. Прошу следовать за мной. Ее величество уже подписала все необходимые бумаги. Мы прошли длинной анфиладой залов. Высокие потолки, позолота, огромные зеркала и тяжелые хрустальные люстры производили сильное впечатление. Несмотря на роскошь, вокруг царила почти монастырская тишина. Лишь изредка слышались приглушенные шаги придворных да негромкие голоса. Камергер остановился у дверей небольшого кабинета. Прошу. За массивным письменным столом сидел статс-секретарь. Перед ним лежала толстая папка с красной сургучной печатью. Поздравляю вас с назначением, граф Тушкин, произнес он, поднимаясь. Ознакомьтесь с указом и распишитесь вот здесь. Я внимательно прочитал документ. В нем перечислялись мои обязанности, размер жалованья, порядок несения службы и правила пребывания при дворе. Поставив подпись, я передал бумаги обратно. Статс-секретарь улыбнулся. С этой минуты вы считаетесь состоящим на придворной службе. Он открыл другой футляр. Примите знак вашей должности. На темно-синей бархатной подушке лежал небольшой золотой знак с императорским гербом. Я осторожно принял его. Благодарю. В кабинет вошел граф. Все формальности закончены? Да, ваше сиятельство, ответил статс-секретарь. Осталось лишь представить нового чиновника некоторым лицам двора. Граф довольно потер руки. Вот это уже интереснее. Мы снова вышли в коридор. Навстречу двигалась небольшая группа придворных. Они приветствовали графа как старого знакомого, а затем с любопытством посмотрели на меня. Позвольте представить, сказал граф. Александр Петрович Тушкин. Я вежливо поклонился. Несколько человек ответили столь же учтиво, однако по их взглядам было заметно, что новость о моем появлении уже начала расходиться по дворцу. Когда они удалились, я тихо спросил: Они меня обсуж-

дают? Граф усмехнулся. Разумеется. И что говорят? Пока ничего. Они собирают сведения. Через неделю будут знать, где вы родились, где служили, какие книги читаете и сколько ложек сахара кладете в чай. Я удивленно посмотрел на него. Он рассмеялся. Не шучу. Двор живет новостями. Но не обращайтесь внимания. Сегодня вы новость. Через месяц появится кто-нибудь другой. Мы подошли к высокому окну. За ним раскинулся дворцовый сад. Граф стал серьезным. Александр Петрович, есть одна вещь, о которой я не успел вам сказать. Какая? Ее величество назначила вас не случайно. Ей действительно нужен человек, которому можно доверять. Поэтому иногда вам придется выполнять поручения, о которых не будут знать даже многие придворные. Значит, служба окажется сложнее, чем я предполагал? Гораздо сложнее, ответил граф. Но именно поэтому я и предложил вашу кандидатуру. Вы умеете хранить молчание, когда это необходимо, и действовать, когда остальные колеблются. Он посмотрел мне прямо в глаза. Добро пожаловать во двор, Александр Петрович. Теперь начинается настоящая служба. Мы еще некоторое время стояли у окна, наблюдая за размеренной жизнью дворца. Внизу по дорожкам неспешно прогуливались придворные дамы, лакеи торопливо переносили какие-то папки и футляры, а вдалеке сменялся караул. Все кажется таким спокойным, заметил я. Это лишь первое впечатление, ответил граф. За этими стенами ежедневно решаются судьбы людей, подписываются важнейшие бумаги и принимаются решения, о которых потом будут писать историки. В этот момент к нам подошел камергер. Ваше сиятельство, ее величество просит графа Тушкина пройти в канцелярию. Необходимо оформить допуск к внутренним покоям. Прошу, сказал граф. Мы прошли в просторную комнату, где за длинными столами работали писцы. Скрипели перья, шелестела бумага, на сургуч ставились тяжелые печати. Начальник канцелярии, сухощавый пожилой чиновник в очках, поднялся нам навстречу. Александр Петрович Тушкин? Да. Прошу присесть. Он открыл толстую регистрационную книгу. По распоряжению ее величества вам предоставляется право свободного прохода в служебные помещения, приемные и личные покои вдовствующей императрицы по первому вызову. Без специального приглашения входить в личные комнаты запрещается, кроме случаев, когда ваше присутствие необходимо по состоянию здоровья ее величества или членов семьи. Я внимательно слушал. Ознакомьтесь и распишитесь. Поставив подпись, я вернул книгу. Чиновник вынул из шкатулки небольшую золотую пластину с выгравированным гербом. Это ваш именной знак. Предъявив его дворцовой страже, вы сможете пройти туда, куда разрешает ваш чин. Я осторожно взял жетон. Он был тяжелым и холодным. Граф с улыбкой наблюдал за происходящим. Поздравляю. Теперь вы человек дворца. Пока я чувствую себя скорее гостем. Это пройдет. Когда все бумаги были подписаны, мы вновь вышли в коридор. Навстречу нам шел высокий седовласый генерал. Увидев графа, он приветливо поклонился. Рад видеть вас, Феликс Николаевич. Взаимно. Генерал перевел взгляд на меня. Это и есть тот самый молодой человек, о котором сегодня говорят? Он самый, с улыбкой ответил граф. Генерал внимательно посмотрел мне в глаза, словно пытаясь составить собственное мнение. Значит, вы военный? Так точно. Это хорошо. При дворе не хватает людей, которые привыкли сначала делать дело, а потом говорить о нем. Он пожал мне руку. Добро пожаловать на службу. Когда генерал ушел, я спросил: Кто это был? Граф посмотрел ему вслед. Один из немногих людей, чье уважение нельзя купить ни титулом, ни богатством. Если когда-нибудь он назовет вас другом, можете считать, что заслужили признание всего двора. Я задумчиво убрал золотой жетон во внутренний карман мундира. В этот момент дворцовые часы пробили полдень. Ну что ж, сказал граф. Формальности окончены. Теперь самое время показать вам место, где вам предстоит проводить большую часть службы. Мы свернули в другое крыло дворца и направились по длинному, освещенному солнечным светом коридору, где начиналась моя новая жизнь. Коридор становился все тише. Пышные парадные залы остались позади. Здесь не было ни блеска приемных, ни многочисленных придворных. По стенам тянулись высокие книжные шкафы, на столиках лежали аккуратно сложенные папки, а у дверей дежурили всего несколько лакеев. Вот здесь, сказал граф, остановившись. Начинается

служебная часть дворца. Здесь работают люди, без которых вся придворная жизнь остановилась бы уже к полудню. Мы вошли в просторную комнату. За длинными столами сидели секретари, архивариусы и чиновники. Одни составляли списки гостей, другие сверяли приглашения, третьи обсуждали предстоящие приемы. Все ненадолго подняли головы, с любопытством посмотрели на меня и вновь вернулись к работе. Господа, произнес граф, позвольте представить вам графа Александра Петровича Тушкина. С сегодняшнего дня он состоит на службе при дворе. Послышались приветствия. Ко мне подошел пожилой чиновник с аккуратной седой бородой. Иван Егорович, управляющий хозяйственной частью. Если возникнут вопросы обращайтесь. Следом поклонился молодой секретарь. Николай Васильевич. Отвечаю за расписание приемов и аудиенций. Я ответил каждому поклоном. Граф тихо произнес: Запоминайте лица. Во дворце полезнее знать не только министров, но и тех, кто ежедневно обеспечивает порядок. Затем мы поднялись по узкой лестнице на второй этаж. А здесь находится ваш кабинет. Он открыл дверь. Комната оказалась небольшой, но светлой. У окна стоял массивный письменный стол, рядом книжный шкаф, несколько стульев и высокий сейф. На стене висела карта Российской империи, а над камином портрет государя. Не слишком роскошно, заметил я. Зато удобно, ответил граф. Поверьте, работать здесь вам придется больше, чем отдыхать. На столе уже лежала папка. Я раскрыл ее. Внутри находились распорядок службы, списки придворных чинов, план дворца и несколько записок. Это чтобы вы быстрее освоились, пояснил граф. В первые дни главное научиться ориентироваться. И во дворце, и в людях. Я подошел к окну. Отсюда открывался вид на внутренний двор. Караул сменялся у ворот, лакеи спешили по своим поручениям, а неподалеку садовники приводили в порядок клумбы. Красиво, сказал я. Красиво, согласился граф. Но не забывайте: за этой красотой скрывается большая ответственность. Он достал из кармана часы. Сегодня у вас еще нет обязанностей. Осмотрите кабинет, познакомьтесь с распорядком. Завтра начнется настоящая служба. А вы? Меня ждут дела. Он уже собирался уходить, но остановился в дверях. Александр Петрович. Да? Вчера вы были гостем моего дома. Сегодня вы человек государевой службы. Не позволяйте ни успеху вскружить вам голову, ни зависти других лишить вас спокойствия. Служите так же, как служили прежде: честно и без лишнего шума. Я молча кивнул. Граф улыбнулся, прикоснулся к полям своей шляпы и вышел. В кабинете стало тихо. Я медленно опустился в кресло, провел рукой по гладкой поверхности стола и открыл первую папку с документами. Так начался мой первый день на новой службе.

Глава 20

Не успел я как следует осмотреть свой кабинет и расположиться в новом кресле, как в дверь негромко постучали. На пороге появился камердинер. Александр Петрович, ее величество желает видеть вас немедленно. Меня? Да, сударь. Я поднялся и последовал за ним. Через несколько минут мы вошли в личные покои вдовствующей императрицы. Она сидела у высокого окна. Несмотря на утренний свет, лицо ее выглядело утомленным. Рядом стоял высокий мужчина с характерными немецкими чертами лица, аккуратно подстриженными бакенбардами и спокойным, внимательным взглядом. Камердинер представил нас друг другу. Лейб-медик Карель. Мы обменялись поклонами. Императрица, увидев меня, протянула руки. Голубчик... Мне снова нездоровится. Карель вопросительно посмотрел в мою сторону. Простите, граф, произнес он с легким немецким акцентом, вы получили медицинское образование? Я немного подумал, прежде чем ответить. Университета я не оканчивал. Но две войны стали моей медицинской школой. Приходилось лечить раненых, когда рядом не было никого, кроме меня. Доктор внимательно посмотрел на меня, затем едва заметно улыбнулся. Война действительно многому учит. Императрица недовольно взглянула на нас. Господа, вы успеете обсудить свои взгляды позже. Сейчас мне нужна помощь. Мы оба сразу замолчали. Я подошел ближе и осторожно взял ее за кисти рук. Они были холодными. Под глазами залегли темные тени, движения казались скованными. Что вас беспокоит, ваше величество? Она медленно подняла левую руку

и тут же поморщилась. Здесь... Боль отдает в плечо и шею. Я осторожно ощупал область плечевого сустава, стараясь не причинять лишнего дискомфорта. Мне потребуется более подробный осмотр, спокойно сказал я. Если позволите. Императрица посмотрела на Карелля. Тот понимающе поклонился. Я подожду в соседней комнате. Когда дверь закрылась, в покоях стало совсем тихо. Я помог императрице подняться. Прошу вас присесть на кушетку. Мне необходимо осмотреть плечо и спину. Без этого я не смогу понять причину боли. Она кивнула. Я доверяю вам. Во время осмотра я внимательно проверил подвижность сустава, осторожно прощупал мышцы шеи, лопатки и плечевого пояса. Движения были медленными и аккуратными, чтобы не усилить боль. Многолетняя служба научила меня распознавать подобные недуги. За годы войны мне не раз приходилось помогать офицерам и солдатам, страдавшим от последствий старых травм, постоянного напряжения и возраста. Передо мной была не столько государыня, сколько пожилой человек, измученный болью. Закончив осмотр, я ненадолго задумался. Ваше величество, насколько я могу судить, дело не в костях. Основная причина сильное напряжение мышц плечевого пояса и шеи. Это можно облегчить. Но потребуется время, покой и несколько последовательных процедур. Она внимательно посмотрела на меня. Значит, это не опасно? Опаснее всего терпеть боль и ничего не предпринимать. Думаю, мы сможем значительно улучшить ваше самочувствие. В этот момент дверь тихонько открылась, и в комнату вновь вошел доктор Карелль. Он вопросительно посмотрел на меня. Ну что, коллега? К какому заключению вы пришли? Я подробно изложил свои наблюдения. Доктор слушал внимательно, время от времени кивая. Когда я закончил, он произнес: Любопытно... Наши выводы во многом совпадают. Он впервые улыбнулся мне уже без прежней настороженности. Похоже, граф, мы с вами будем не соперниками, а союзниками. А для здоровья ее величества это, пожалуй, самое важное. Доктор Карелль еще раз внимательно осмотрел императрицу, затем перевел взгляд на меня. Позвольте спросить, граф, что бы вы предложили в качестве лечения? Я ненадолго задумался. Прежде всего уменьшить боль. Затем вернуть подвижность плечу. Но главное изменить привычки. Если каждый день проводить по несколько часов в одном положении, никакие лекарства надолго не помогут. Карелль одобрительно кивнул. Продолжайте. Необходимо тепло, осторожный массаж напряженных мышц, умеренное движение руки и ежедневные упражнения. Если боль усилится покой на несколько дней. Но совсем обездвиживать руку нельзя. Доктор сложил руки за спиной. Любопытно. Мы называем это несколько иначе, но смысл почти тот же. Императрица с улыбкой посмотрела сначала на него, затем на меня. Мне нравится, что вы разговариваете не как соперники, а как люди, желающие помочь. Карелль слегка поклонился. Здоровье вашего величества важнее нашего самолюбия. Я поддержал его: Врачебное дело не терпит тщеславия. Императрица облегченно вздохнула. Вот и прекрасно. Значит, отныне вы будете лечить меня вместе. Карелль на мгновение задумался, после чего неожиданно протянул мне руку. Если вы не возражаете, граф. Я крепко пожал ее. Почту за честь. Напряжение, возникшее между нами при знакомстве, словно исчезло. Доктор подошел к письменному столу и сделал несколько записей. Я распоряжусь приготовить теплые компрессы и прослежу, чтобы ее величество не перегружала руку. А я, с вашего позволения, покажу несколько простых упражнений, которые можно выполнять ежедневно, добавил я. Императрица улыбнулась. Вот теперь я спокойна. Она поднялась с кресла и уже свободнее пошевелила плечом. Кажется, после вашего осмотра мне стало легче. Карелль усмехнулся. Иногда уверенность врача лечит не хуже лекарств. Я не стал спорить. В дверь тихо постучали. Камергер вошел и почтительно поклонился. Ваше величество, министр двора ожидает аудиенции. Императрица вздохнула. Государственные дела не умеют ждать. Она повернулась ко мне. Александр Петрович, благодарю вас. Сегодня вы свободны от службы. Освойтесь во дворце, познакомьтесь с людьми. А завтра утром я снова жду вас. Слушаюсь, ваше величество. Мы с Кареллем одновременно поклонились. Когда мы вышли в коридор, доктор неожиданно остановился. Александр Петрович. Да? Признаюсь, сначала я отнесся к вам с недоверием. Во дворце

нередко появляются люди, считающие себя великими врачами. Но вы не обещали чудес и не пытались произвести впечатление. Это внушает уважение. Благодарю. Я просто стараюсь не выходить за пределы того, что действительно понимаю. Карелль улыбнулся. Тогда, думаю, мы сработаемся. Мы медленно пошли по длинному дворцовому коридору. За высокими окнами шумел летний сад, а впереди меня ожидала новая жизнь, в которой рядом с придворной службой неожиданно появилось еще одно дело забота о здоровье людей, окружавших императорскую семью.

Глава 21

Благородство Филиппа Яковлевича Карелля произвело на меня сильное впечатление. Признаться, я ожидал встретить при дворе совсем другого человека ревнивого к своему положению, недоверчивого, готового видеть в каждом соперника. Вместо этого передо мной оказался настоящий врач, для которого здоровье пациента было важнее собственного самолюбия. Возвращаясь в свой кабинет, я долго размышлял. «Если уж судьба распорядилась так, что мне доверили заботу о здоровье императрицы, подумал я, то нельзя ограничиваться случайными советами. Нужно взяться за дело основательно». Я позвонил в колокольчик. Вошел камердинер. Передайте ее величеству, что я прошу принять меня, если это возможно. Будет исполнено, граф. Прошло совсем немного времени, и меня вновь проводили в покои вдовствующей императрицы. Она сидела у окна с книгой в руках. Увидев меня, удивленно улыбнулась. Что-нибудь случилось, доктор? Я почтительно поклонился. Ваше величество, позвольте прежде всего попросить вас больше не называть меня доктором. Она удивленно посмотрела на меня. Вот как? Это звание нужно заслужить долгими годами учения. Я же не оканчивал медицинского факультета. Мой опыт военный, приобретенный на службе и в походах. Поэтому будет честнее, если вы будете называть меня просто... мастером. Императрица ненадолго задумалась. Потом тепло улыбнулась. Хорошо, мастер. Я невольно улыбнулся в ответ. Благодарю. Она закрыла книгу. Итак, мастер, что привело вас ко мне? Я сделал несколько шагов вперед. Если мы действительно хотим улучшить ваше здоровье, потребуется не одно посещение и не одна процедура. Мне понадобится ваше терпение... и полное доверие. Императрица внимательно слушала. Продолжайте. Вам придется неукоснительно выполнять все мои рекомендации. Не только тогда, когда я рядом, но и каждый день. Она слегка приподняла брови. Вы хотите сказать, что я должна выполнять ваши распоряжения? В ее голосе прозвучал легкий вызов. Именно так, ваше величество. Она скрестила руки. И почему же? Я улыбнулся. Потому что чудес не бывает. Если вы хотите избавиться от боли, вернуть легкость движений и чувствовать себя бодрее, придется немного изменить привычный образ жизни. Она молча смотрела на меня. Я решил добавить каплю юмора. А если будете прилежной ученицей, то, глядишь, станете двигаться так легко, что ваши фрейлины начнут вам завидовать. Несколько секунд она сохраняла серьезное выражение лица. Потом неожиданно звонко рассмеялась. Вот уж не думала, что при дворе найдется человек, который осмелится разговаривать со мной подобным образом! Простите мою смелость. Нет-нет, сквозь смех сказала она. Не извиняйтесь. Давненько никто не говорил со мной настолько искренне. Она вытерла выступившие от смеха слезы и вновь стала серьезной. Хорошо, мастер. Считайте, что вы получили мое согласие. Она протянула мне руку. С сегодняшнего дня я обещаю добросовестно выполнять все ваши предписания. Но с одним условием. Каким же? Если я нарушу хоть одно из них, вы обязаны сделать мне замечание, невзирая на мой титул. Я поклонился. Договорились, ваше величество. Она удовлетворенно кивнула. Вот и прекрасно. Похоже, сегодня я приобрела не только нового придворного, но и очень строгого наставника. А начнем мы с самого простого, сказал я. Императрица с любопытством посмотрела на меня. С лекарств? Нет. С массажа? Я покачал головой. Мы начнем с наблюдения. Чтобы помочь человеку, мало знать, где у него болит. Нужно понимать, как он живет. Она внимательно слушала. Мне необходимо увидеть, как вы принимаете пищу, как ложитесь спать, как просыпаетесь, как двигаетесь в течение дня. Даже самые

обычные привычки могут многое рассказать о здоровье. Императрица улыбнулась. Никогда не думала, что лечение начинается с таких мелочей. В медицине мелочей не бывает. Она ненадолго задумалась. Хорошо. Я обещала доверять вам. Именно доверие первое условие успеха. Я протянул руку. А теперь предлагаю небольшую прогулку. Она машинально подала здоровую руку. Я мягко покачал головой. Нет. Сегодня работать будет именно та рука, которую вы стараетесь беречь. На ее лице мелькнуло сомнение. Но она болит. Поэтому мы не будем ее мучить. Мы лишь напомним ей, что она должна двигаться. Я осторожно поддержал ее под локоть, медленно помог поднять руку и несколькими плавными движениями размял мышцы плеча. Все движения были спокойными и очень осторожными. Больно? Уже меньше, удивленно ответила она. Я взял со стола небольшой бронзовый подсвечник. Попробуйте подержать его. Она с недоумением посмотрела на меня. Подсвечник? Он достаточно легкий, чтобы не навредить, и достаточно тяжелый, чтобы мышцы начали работать. Если станет больно сразу скажите. Она послушно взяла его в руку. Первое время было непривычно. Плечо заметно напрягалось, но через несколько минут она перестала обращать внимание на вес. Теперь пройдемся. Мы медленно прошли несколько раз по комнате. Я внимательно следил не только за рукой, но и за ее походкой, осанкой, положением головы. Вы все время слегка наклоняетесь вправо, заметил я. Так организм невольно пытается уменьшить нагрузку на больное плечо. Она удивленно остановилась. Никогда этого не замечала. Именно поэтому человеку трудно лечить самого себя. Когда движения стали более свободными, я улыбнулся. А теперь выйдем в сад. Лакей распахнул стеклянные двери. Свежий воздух наполнил комнату ароматом липы и молодой травы. Мы неторопливо пошли по садовой дорожке. Солнечный свет пробивался сквозь густые кроны деревьев, птицы негромко перекликались в ветвях, а легкий ветерок приятно освежал лицо. Императрица шла медленно, по-прежнему держа подсвечник в руке. Спустя несколько минут она неожиданно сказала: Знаете... пока мы гуляем, я почти перестала думать о боли. Я улыбнулся. Это хороший знак. Значит, мы движемся в правильном направлении. Иногда первый шаг к выздоровлению начинается не с лекарства, а с обычной прогулки.

Глава 22

Когда наша прогулка подошла к концу, ее величество неожиданно остановилась. А знаете... сказала она с улыбкой. Мне хочется есть. Я удовлетворенно кивнул. Прекрасно. Значит, прогулка принесла пользу. Пойдемте. Мы вернулись во дворец и прошли в небольшую столовую, где слуги уже накрывали стол к завтраку. Императрица вымыла руки в серебряном тазу, поданном камер-лакеем, и заняла свое место. Не прошло и минуты, как вокруг нее собрались несколько фрейлин. Они привычно поправляли салфетку, предлагали блюда, наперебой советовали, что стоит попробовать, и оживленно щебетали между собой. Я молча наблюдал за происходящим. Затем подошел к креслу императрицы и спокойно произнес: Этого делать не следует. В столовой мгновенно воцарилась тишина. Фрейлины замерли. Лакеи опустили глаза. Никто не смел указывать вдовствующей императрице, что ей можно или нельзя. Тем более человек, только вчера появившийся при дворе. Несколько долгих секунд никто не произнес ни слова. Я выдержал паузу и уже мягче сказал: Ваше величество, во время приема пищи мне необходимо видеть только вас. Пока мы разбираемся с вашим здоровьем, ничто не должно отвлекать ни вас, ни меня. Все ожидали вспышки гнева. Но императрица лишь спокойно посмотрела на меня. Потом перевела взгляд на фрейлин и слегка подняла руку. Оставьте нас. Придворные дамы удивленно переглянулись, но тотчас присели в реверансе. Слушаемся, ваше величество. Через несколько мгновений столовая опустела. Остались только мы вдвоем. Я сел напротив. Благодарю. И что же теперь? спросила она с любопытством. Теперь мы делаем прием пищи частью лечения. Она улыбнулась. Каким образом? Пусть это станет небольшим секретом. Во дворце любят загадки. Если все будут думать, что у вас появилась особая система лечения, они перестанут мешать бесконечными советами. А для вас это будет спокойное время, когда можно сосредоточиться только на еде. Она рассмеялась. Признаться, мысль

мне нравится. Есть еще одна просьба. Слушаю. Мне нужен свободный доступ на дворцовую кухню. Я должен знать, какие блюда для вас готовят, из каких продуктов и каким способом. Если мы хотим добиться результата, питание должно стать частью лечения. Императрица снова не смогла сдержатъ смех. Отсмеявшись, она посмотрела на меня с озорной улыбкой. Александр Петрович... А вы вообще знаете, какую должность получили при дворе? Если честно, не совсем. Она лукаво приподняла бровь. Обер-форшнейдер. Я развел руками. Признаюсь, само название мало о чем мне говорит. Исторически это главный распорядитель подачи и разделки кушаний при высочайшем столе, ответила она, улыбаясь. Человек, который следит за тем, чтобы блюда были поданы должным образом и соответствовали придворному этикету. Она тихонько рассмеялась. Так что, дорогой мой мастер, выходит, вы и без того собираетесь заниматься именно тем, за что вам уже положено жалованье. Я не удержался от улыбки. В таком случае, ваше величество, остается лишь надеяться, что моя служба окажется полезной не только дворцовому этикету, но и вашему здоровью. А вот это, ответила она, мы с вами совсем скоро проверим. Императрица на мгновение задумалась, затем подняла голову. Камергер! Дверь тотчас открылась, и в столовую вошел камергер. Слушаю, ваше величество. Приготовьте для мастера Александра Петровича комнаты неподалеку от моих покоев. Ему должен быть обеспечен свободный проход ко мне в любое время, когда это потребуется по службе. Камергер почтительно склонил голову. Будет исполнено. Кроме того, распорядитесь, чтобы дворцовая кухня выполняла все его требования, касающиеся моего стола. Отныне за составление моего ежедневного меню отвечает Александр Петрович. Слушаюсь, ваше величество. Камергер вновь поклонился и вышел. Императрица с улыбкой посмотрела на меня. Ну что, мастер? Теперь вы довольны? Да, ваше величество. Теперь я смогу отвечать за свои рекомендации. Я подвинул к ней тарелку с горячей овсяной кашей. Сегодня начнем с простого. Каша, немного постного мяса и овощи. Пока придется отказаться от сладостей. Она удивленно посмотрела сначала на тарелку, потом на меня. Совсем отказаться? Хотя бы на несколько дней. Но я люблю сладкое, с искренним возмущением произнесла она. Вы требуете слишком многого. Я улыбнулся. Потерпите один день. А завтра я постараюсь придумать, как примирить ваше здоровье с вашей любовью к сладкому. Она звонко рассмеялась. Любовью к сладкому? Нет, мастер. Это уже настоящая страсть. Значит, будем лечить и эту страсть. Императрица покачала головой, продолжая улыбаться. С каждым часом вы удивляете меня все больше. Я поднялся из-за стола. Пока вы ужинаете, мне потребуется еще одна помощь. Какая же? Пришлите ко мне хорошего плотника. Есть одна мысль, которую хотелось бы воплотить. Она с любопытством посмотрела на меня. Для лечения тоже понадобится плотник? Именно так. Что ж, теперь мне остается только довериться вашему воображению. Она снова позвала камергера. Тот появился почти мгновенно. Найдите лучшего дворцового плотника, распорядилась императрица. Он поступает в полное распоряжение Александра Петровича. Будет исполнено. Камергер вопросительно посмотрел на меня. Прошу следовать за мной, граф. Я поклонился императрице. Приятного аппетита, ваше величество. И не заставляйте меня слишком долго ждать, мастер, ответила она с улыбкой. Мне уже становится любопытно, какое отношение плотник имеет к моему лечению. Я лишь загадочно улыбнулся и вместе с камергером вышел из столовой, оставив императрицу размышлять над новой загадкой. Покинув покои императрицы, я сразу направился на дворцовую кухню. Стоило мне переступить порог, как повара и кухонные слуги настороженно замолчали. Господа, произнес я спокойно, с сегодняшнего дня питание ее величества находится под моим наблюдением. Главный повар вопросительно посмотрел на меня. Что прикажете готовить, ваше сиятельство? Я достал лист бумаги. На завтрак овсяная каша на воде с небольшим количеством сливочного масла, отварное яйцо и чай без сахара. К обеду легкий куриный бульон, отварная телятина, тушеные овощи и немного ржаного хлеба. На ужин запеченная рыба, овощи и травяной отвар. Никаких тяжелых соусов, сдобной выпечки и излишних сладостей. Главный повар быстро записывал каждое слово. А десерт? На десерт

фрукты с медом. По кухне пробежал удивленный шепот. Однако, продолжил я, ее величество не должна чувствовать, будто ее лишили удовольствия. Блюда должны выглядеть красиво. Человек сначала ест глазами, а уже потом желудком. Повар уважительно поклонился. Будет исполнено. Закончив с кухней, я отправился в дворцовые мастерские. Запах свежих досок и стружки чувствовался еще в коридоре. За верстаком трудился пожилой плотник. Он поднялся, снял фартук и поклонился. Чем могу служить, ваше сиятельство? Я взял мел и начал рисовать прямо на деревянной доске. Мне нужна небольшая деревянная стойка с перекладиной вот такой высоты. Основание должно быть широким и устойчивым. Кроме того, изготовьте две трости одинаковой длины, но разного веса. Одна совсем легкая, другая немного тяжелее. Плотник внимательно следил за рисунком. Для упражнений? Именно. А зачем разный вес? Чтобы мышцы постепенно привыкали к нагрузке. Спешка здесь только навредит. Мастер понимающе кивнул. К утру все будет готово. Благодарю. Когда я возвращался обратно через дворцовые галереи, заметил, что слуги уже украдкой переглядываются при моем появлении. Стоило мне пройти мимо двух молодых камер-лакеев, как один из них едва слышно прошептал: Это он... Тот самый? Да. Новый мастер ее величества. В другом конце коридора две фрейлины тоже прервали разговор, проводив меня любопытными взглядами. Слухи распространялись по дворцу быстрее любого гонца. Одни говорили, что императрица нашла необыкновенного лекаря. Другие уверяли, что новый граф получил небывалое доверие и теперь распоряжается даже дворцовой кухней. Третьи уже успели придумать десяток невероятных историй о том, как вчерашний фронтовой офицер всего за несколько дней оказался в числе самых приближенных людей вдовствующей императрицы. Я лишь усмехнулся про себя. В любом большом доме слухи рождаются раньше фактов. Главное было не обращать на них внимания и делать свое дело. Когда я вновь вошел в покои ее величества, она сидела у окна с книгой, но, заметив меня, сразу отложила ее в сторону. Ну что, мастер, спросила она с улыбкой. Весь двор уже обсуждает вас. Кажется, вы успели произвести настоящий переполох. Я поклонился. Если говорят о моей работе, а не о ваших болезнях, значит, первый шаг к выздоровлению уже сделан. Императрица звонко рассмеялась. Осторожнее, Александр Петрович. Еще немного и я начну думать, что вы лечите не только тело, но и настроение. Одно без другого редко бывает здоровым, ваше величество, ответил я, занимая свое место напротив нее.

Глава 23

Я попросил Филиппа Яковлевича Карелля принести немного камфорного спирта. По дороге на дворцовую кухню взял два куриных яйца и горсть очищенных грецких орехов. Вернувшись в покои императрицы, я поставил на стол две небольшие фарфоровые чашки. Ваше величество, сегодня вы будете моей помощницей. Она с любопытством посмотрела на приготовленные продукты. Неужели это тоже часть лечения? Именно. Я высыпал в одну из чашек грецкие орехи и подал ей небольшую деревянную толкушку. Попробуйте растереть их как можно мельче. Она удивленно приподняла брови, но без возражений принялась за дело. Чтобы работа не казалась утомительной, я начал рассказывать старинную сказку, услышанную еще в детстве. Императрица так увлеклась рассказом, что сама не заметила, как орехи превратились почти в однородную массу. Вот видите, улыбнулся я. Иногда лучшее лекарство от скуки хорошая история. Я разбил в чашку яйцо и предложил ей тщательно размешать смесь. Когда масса стала однородной, добавил немного камфорного масла и тщательно все перемешал. Филипп Яковлевич с интересом наблюдал за приготовлением. Любопытный состав, заметил он. Главное сейчас не столько сама смесь, сколько тепло, растирание и постепенное восстановление подвижности, ответил я. Карелль задумчиво кивнул. С этим трудно спорить. После этого я помог императрице удобно расположиться на специальной кушетке для осмотра. Осторожными движениями я нанес приготовленную смесь на область плечевого сустава и окружающие мышцы, сочетая это с легким лечебным массажем. В комнате постепенно распространился характерный запах камфоры. Императрица сидела спокойно, прислушиваясь к своим

ощущениям. Через несколько минут она глубоко вздохнула. Кажется... плечо стало двигаться свободнее. Это хороший знак. Но лечение только начинается. Я оглядел комнату. Ваше величество, для подобных процедур лучше выделить отдельный кабинет. Здесь слишком часто бывают придворные, камердинеры, фрейлины. Нам необходимы спокойствие и возможность работать, не отвлекаясь. Она согласно кивнула. И, признаваясь, вы правы еще по одной причине. Я вопросительно посмотрел на нее. На ее лице появилась лукавая улыбка. При дворе достаточно одного случайного взгляда, чтобы через час весь двор обсуждал несуществующую историю. Лучше избавить придворных от лишних поводов для пересудов. Она поднялась и позвонила в колокольчик. Вошел камергер. Слушаю, ваше величество. Подберите рядом с моими покоями отдельную комнату. Просторную, хорошо освещенную и теплую. Отныне она будет использоваться для лечебных процедур. Распорядитесь поставить там удобную кушетку, стол, шкаф для необходимых принадлежностей и ширму. Будет исполнено, ваше величество. Камергер поклонился и удалился. Императрица повернулась ко мне. Теперь, Александр Петрович, у вас будет собственный кабинет для лечения. Надеюсь, это избавит нас обоих от ненужных слухов. Именно этого я и добивался, ваше величество, ответил я. При дворе иногда приходится лечить не только болезни, но и чужое воображение. Оставив ее величество отдыхать, я тихо вышел из лечебного кабинета. В приемной меня уже ожидал Филипп Яковлевич Карелль. Не уделите ли мне несколько минут? спросил я. С удовольствием. Мы прошли в мой кабинет. На столе лежали чистые листы бумаги, чернильница и несколько книг по врачебному искусству. Я сел, и стал диктовать он взял перо и начал записывать несколько составов. Это сбор для вечернего настоя, пояснил я. Мелисса, мята, немного валерианы и липовый цвет. Он успокаивает и способствует крепкому сну. Карелль внимательно читал. Я написал второй рецепт. А это состав для наружного применения. Камфора, настой можжевельника и масло зверобоя. Хорошо помогает при мышечном напряжении и болях в суставах. Доктор несколько раз перечитал написанное. Любопытно... Я продолжил: Разумеется, многое зависит от самого больного. Ни одно средство не поможет, если человек целыми днями сидит без движения. Карелль медленно сложил листы. Александр Петрович... должен признаться, вы снова меня удивили. Он посмотрел мне прямо в глаза. Откуда у вас такие познания? Я рассмеялся. Военная тайна. Карелль тоже улыбнулся. Пожалуй, это лучший ответ, который я мог услышать. Он подошел ко мне, дружески похлопал по плечу. Берегите себя. При дворе людей, умеющих думать, гораздо меньше, чем кажется. И вы себя берегите, Филипп Яковлевич. Мы пожали друг другу руки. Когда дверь за ним закрылась, кабинет погрузился в тишину. Я подошел к окну. Солнце уже клонилось к закату. Длинные тени легли на дворцовый сад, где последние садовники заканчивали работу. Издали доносился негромкий звон часов. Только сейчас я почувствовал, насколько устал. За один день мне довелось познакомиться с двором, получить кабинет, заслужить доверие императрицы, найти союзника в лице Карелля и начать лечение, которое обещало быть долгим. Я снял мундир, аккуратно повесил его на спинку кресла и, не раздеваясь окончательно, прилег на диван. «Завтра, подумал я, закрывая глаза, начнется настоящая работа». С этой мыслью я незаметно для самого себя крепко уснул. Утром я поднялся еще до рассвета. Привел себя в порядок, надел свежий мундир и направился к покоям императрицы. Камердинер уже ожидал меня. Ее величество еще поживает. Тем лучше, ответил я. Сегодня лечение начинается с самого пробуждения. Он бесшумно открыл дверь. Я подошел к кровати и негромко произнес: Ваше величество... пора просыпаться. Она открыла глаза, недовольно посмотрела на меня и, нахмутив брови, пробормотала: Что это такое, Александр Петрович? Во дворце еще никогда не будили меня так рано. Я улыбнулся. Это часть лечения. Она тяжело вздохнула. Уже начинаю жалеть, что доверилась вам. Жалеть будете потом. А сейчас поднимайтесь. Она тихонько рассмеялась и, покачив головой, села на край кровати. Тем временем слуги внесли небольшой деревянный тренажер, который за ночь изготовил дворцовый плотник. Он был прост, но вполне подходил для легких упражнений на плечевой пояс и руки.

На небольшом столике уже стояла кружка с теплым травяным настоем. Филипп Яковлевич приготовил его еще ночью, сказал я. Императрица осторожно отпила несколько глотков и сразу поморщилась. Какая же горечь... Хорошее лекарство редко бывает сладким. Она с улыбкой посмотрела на меня. Вы сегодня решили испортить мне настроение с самого утра? Напротив. Я хочу, чтобы оно оставалось хорошим до самого вечера. Она допила настой и поставила кружку на стол. Я протянул ей руку. Начнем с небольшой разминки. Мы медленно прошлись по комнате. Сначала были самые простые движения: спокойная ходьба, плавные повороты головы, осторожные круговые движения плечами и руками. Затем упражнения для кистей, локтей и плечевого сустава. Каждое движение я показывал сам. Императрица старательно повторяла. Иногда она морщилась от непривычного напряжения. Больно? Уже меньше, чем вчера. Значит, продолжаем. После разминки я осторожно размял мышцы шеи и плечевого пояса легким лечебным массажем, помогая снять остаточное напряжение. Когда упражнения закончились, она неожиданно сказала: Знаете... я чувствую приятную усталость, а не ту тяжесть, с которой обычно просыпалась. Именно этого мы и добиваемся. Вскоре мы переоделись для прогулки. Перед выходом я вручил ей две деревянные трости разного веса. Она вопросительно посмотрела на меня. Еще одно ваше изобретение? Да. Они помогут постепенно укрепить мышцы рук и улучшить координацию движений. Она взяла трости и несколько раз попробовала изменить их положение. Непривычно. Через неделю станут привычными. Мы вышли в дворцовый сад. Утренний воздух был прохладным и свежим. На траве еще блестела роса, а солнечные лучи только начинали пробиваться сквозь густые кроны деревьев. Мы не спешили. Шаг за шагом прошли весь заранее намеченный маршрут вокруг сада. По дороге я обращал внимание императрицы на осанку, длину шага и положение рук, а она, к моему удивлению, выполняла все указания без возражений. Садовники, лакеи и редкие придворные с удивлением наблюдали за необычной процессией. Никто прежде не видел, чтобы вдовствующая императрица начинала день с гимнастики и продолжительной прогулки. Когда мы вернулись во дворец, на щеках ее величества появился легкий румянец. Теперь, сказал я с улыбкой, можно и завтракать. Она посмотрела на меня с притворной строгостью. Надеюсь, сегодня вы позволите мне хотя бы чашку хорошего чая? Позволю. А сладкое? Я сделал вид, что задумался. Мы еще не заключали мир с вашей страстью к сладкому. Императрица тихо рассмеялась. Боюсь, Александр Петрович, эту войну вы ведете с очень сильным противником. Тем интереснее будет победа. С этими словами мы вошли в столовую, где нас уже ожидал накрытый к завтраку стол. Войдя в столовую, я сразу заметил, что стол накрыт иначе, чем накануне. Главный повар выполнил все мои распоряжения с удивительной точностью. На серебряных блюдах стояли овсяная каша, запеченные яблоки без сахара, творог, свежая зелень, отварная рыба и чай с душистыми травами. Императрица внимательно осмотрела стол. Должна признать, выглядит это куда привлекательнее, чем я ожидала. Я улыбнулся. Я ведь говорил, что человек сначала ест глазами. Она села за стол. По привычке в дверях уже появились фрейлины, но, заметив меня, остановились, не решаясь войти. Императрица сама взглянула в их сторону. Не беспокойтесь. Я позову вас после завтрака. Дамы поклонились и тихо удалились. Кажется, они начинают вас побаиваться, заметила она. Лучше пусть боятся моих предписаний, чем болезней. Она покачала головой, скрывая улыбку. Во время завтрака я внимательно наблюдал за тем, как она держит ложку, как сидит за столом, не поднимает ли произвольно больное плечо. Через некоторое время я сказал: Попробуйте не наклоняться вперед. Спину держите свободно, а плечи расслабьте. Она сразу исправила осанку. Так? Именно. Неужели и это влияет на здоровье? Гораздо больше, чем принято думать. Она задумчиво кивнула. Теперь понимаю, почему вы хотели видеть даже то, как я ем. Когда завтрак подошел к концу, камергер вошел в столовую. Ваше величество, прибыли господа министры. Они ожидают вашего распоряжения. Императрица посмотрела на меня. Что скажете, мастер? Государственные дела откладывать нельзя. Но каждый час прошу делать небольшой перерыв хотя бы на пять минут. Немного пройтись, размять плечи, сделать

несколько глубоких вдохов. Она улыбнулась. Уже распоряжаетесь моим расписанием? Пока только вашим здоровьем. Камергер невольно улыбнулся, хотя тут же вновь принял невозмутимый вид. Императрица поднялась. Господа министры подождут пять минут. Она повернулась ко мне. Александр Петрович, оставайтесь сегодня во дворце. После заседания мне хотелось бы продолжить наши занятия. Буду к вашим услугам.

Глава 24

Когда она ушла, камергер задержался. Он некоторое время молчал, затем негромко произнес: Простите мою нескромность, ваше сиятельство... За двадцать лет службы при дворе я не видел ее величество такой оживленной. Я вопросительно посмотрел на него. Обычно утро начиналось с жалоб на боль, усталость или бессонницу. Сегодня же она сама шутит, гуляет по саду и даже отказалась от сладкого без особых уговоров. Он покачал головой. Не знаю, что именно вы делаете, но надеюсь, вы продолжите. Я задумчиво посмотрел вслед удалявшейся императрице. Настоящее лечение только начиналось. И теперь мне предстояло убедить не только ее саму, но и весь двор, что здоровье рождается не из чудесных снадобий, а из терпения, движения и ежедневного труда над собой. Пока ее величество была занята государственными делами и принимала министров, у меня появилось немного свободного времени. Я разыскал Филиппа Яковлевича Карелля. Мы встретились в небольшой библиотеке, примыкавшей к дворцовой аптеке. Доктор раскладывал на столе склянки с настойками и какие-то записи. Увидев меня, он приветливо улыбнулся. Как чувствует себя наша пациентка? Лучше, чем вчера. Плечо стало двигаться свободнее, настроение заметно улучшилось. Карелль удовлетворенно кивнул. Я тоже это заметил. Некоторое время мы молча просматривали его записи. Наконец я сказал: Филипп Яковлевич, меня беспокоит не столько здоровье ее величества, сколько то, что будет через несколько месяцев. Доктор внимательно посмотрел на меня. Поясните. Новый государь уже вступил на престол. Постепенно государственные дела окончательно сосредоточатся вокруг него. Министры станут бывать здесь реже. Придворная жизнь изменится. Карелль медленно кивнул. Вы правы. А человек, который долгие годы жил среди постоянных забот, разговоров и посетителей, вдруг может оказаться в непривычной пустоте. Для многих это становится испытанием не меньшим, чем болезнь тела. Доктор задумался. Вы говорите уже не как лекарь, а как хороший психолог. В армии я видел немало людей, которых губили не раны, а одиночество и ощущение собственной ненужности. Карелль некоторое время молчал. Значит, вы хотите заранее найти для ее величества новое занятие? Именно. Ей необходима цель. Если человек перестает чувствовать себя полезным, никакие лекарства не помогут сохранить бодрость духа. Доктор улыбнулся. Теперь я окончательно понял, почему она так быстро прониклась к вам доверием. После этого мы еще около часа обсуждали лечебные травы, настои и растирания. Карелль показывал мне свои записи, а я делился наблюдениями, приобретенными за долгие годы службы. Некоторые рецепты он обещал проверить в дворцовой аптеке, другие сразу велел приготовить. Когда разговор подошел к концу, доктор пожал мне руку. Александр Петрович, должен признаться, мне доставляет большое удовольствие работать вместе с вами. Это взаимно, Филипп Яковлевич. Попрощавшись, я направился в новое крыло дворца. Работа там кипела вовсю. Плотники устанавливали мебель, маляры заканчивали отделку стен, слуги переносили книги и письменные принадлежности. Камергер встретил меня у дверей. Все идет согласно распоряжению ее величества. Он показал помещения. Первым оказался мой рабочий кабинет светлая комната с большим письменным столом, книжными шкафами и окнами, выходящими в сад. Рядом находился лечебный кабинет. Здесь уже поставили широкую кушетку, небольшой шкаф для инструментов и лекарств, умывальник, ширму и несколько удобных кресел для отдыха после процедур. Через внутреннюю дверь можно было попасть прямо в покои императрицы. Это сделано по ее личному распоряжению, пояснил камергер. Я одобрительно кивнул. Последней мне показали спальню. Она находилась немного дальше по коридору, чтобы при необходимости я мог быстро прийти по вызову, но при этом не нарушать покой личных

покоев ее величества. Осмотрев все комнаты, я невольно улыбнулся. Еще несколько дней назад я был простым отставным офицером, не знавшим, что ждет его впереди. Теперь же судьба отвела мне место при самом сердце дворца не ради чинов и привилегий, а ради дела, которое, как мне казалось, действительно могло принести пользу людям. Я еще раз медленно обошел свои новые комнаты. Все было устроено просто и без излишней роскоши, что меня вполне устраивало. Рабочий стол, несколько книжных шкафов, диван для отдыха, письменные принадлежности и большое окно, выходившее в сад. В лечебном кабинете уже стояла удобная кушетка, небольшой столик для приготовления мазей и настоев, шкаф для перевязочного материала и лекарственных трав. Я мысленно отметил, чего еще не хватает. «Нужен умывальник с теплой водой, несколько полотенец, песочные часы, зеркало во весь рост, чтобы следить за осанкой, и несколько легких гимнастических снарядов», подумал я. В дверь осторожно постучали. Войдите. На пороге появился камергер. Ваше сиятельство, ее величество освободилась и просит вас зайти. Я взглянул на часы. Министерское совещание продолжалось почти три часа. Идемте. Когда я вошел в кабинет императрицы, она сидела у окна и устало растирала виски. Увидев меня, улыбнулась. Александр Петрович, признаюсь, после министров я устала больше, чем после вашей утренней прогулки. Это хороший знак. Почему? Потому что после прогулки устает тело, а после долгих совещаний голова. Первую усталость снять гораздо легче. Она тихо рассмеялась. Кажется, у вас есть объяснение всему. Почти всему. Я подошел ближе. Сегодня мы больше не будем нагружать плечо. Достаточно нескольких легких упражнений и прогулки перед ужином. Она удивилась. И это все? Да. А я ожидала очередного испытания. В лечении главное вовремя остановиться. Организм должен успеть восстановиться. Она внимательно посмотрела на меня. Знаете, что меня поражает? Что же? Вы никогда не торопитесь. Я ненадолго задумался. На войне я понял одну простую вещь. Торопиться приходится только тогда, когда уже опоздал. В мирной жизни лучше делать все постепенно. Императрица кивнула. Пожалуй, в этом есть мудрость. Она подошла к окну. В саду уже начинал собираться народ. Придворные дамы прогуливались по аллеям, офицеры негромко беседовали у фонтана, лакеи торопливо готовились к вечернему приему. Александр Петрович, неожиданно спросила она, а вы никогда не скучаете? Вопрос застал меня врасплох. Иногда. И что вы делаете тогда? Я улыбнулся. Начинаю чему-нибудь учиться. Она повернулась ко мне. Учиться? В вашем возрасте? Особенно в моем возрасте. Пока человек способен узнавать новое, он остается молодым душой. Императрица задумалась. Значит... и мне нужно чему-нибудь учиться? Я почувствовал, что разговор подошел к тому, о чем думал весь день. Именно это я и хотел предложить. Она с интересом посмотрела на меня. Расскажите. Ваше величество, сейчас к вам ежедневно приезжают министры, сановники, генералы. Но пройдет время, и государственных забот станет меньше. У вас появится много свободных часов. Она молча слушала. Чтобы не чувствовать пустоты, человеку необходимо дело. Не обязанность, а именно дело, которое приносит радость. И что же вы предлагаете? Создать при дворце небольшое общество полезных занятий. Пригласить молодых врачей читать лекции о здоровье, художников рассказывать об искусстве, ученых о новых открытиях. Можно устраивать музыкальные вечера, приглашать писателей, помогать воспитательным домам и больницам. Императрица не перебивала. Тогда ваш дворец станет не только местом приемов, но и местом, где рождаются добрые дела. А вы останетесь душой этого общества. Она долго молчала. Потом тихо произнесла: Александр Петрович... боюсь, вы сейчас лечите вовсе не мое плечо. А что же? Она посмотрела в окно, где шумели деревья. Вы лечите мой страх перед будущим. Я ничего не ответил. Иногда молчание говорило больше любых слов. За окном пробили дворцовые часы, возвещая начало нового часа, а мне показалось, что именно в эту минуту перед вдовствующей императрицей открылась новая цель, способная наполнить смыслом следующие годы ее жизни.

Глава 25

Императрица еще некоторое время стояла у окна. Наконец она обернулась. Александр Петрович, вы предлагаете мне снова начать служить людям. Только иначе. Именно так, ваше величество. Она медленно кивнула. Когда человек перестает быть нужным, он начинает быстро стареть. Я видел это не раз. В комнате повисла тишина. Императрица подошла к письменному столу, взяла лист бумаги и, не садясь, несколько минут что-то записывала. Потом протянула лист мне. Прочтите. Это был проект распоряжения управляющему дворцом. Я внимательно пробежал его глазами. «Подготовить список благотворительных учреждений, находящихся под моим покровительством. Представить сведения о воспитательных домах, богадельнях, лазаретах и женских училищах. Составить перечень лиц, занимающихся их попечением...» Я поднял голову. Прекрасное начало. Она улыбнулась. Если уж лечиться, то полностью. Вы убедили меня, что здоровье заключается не только в лекарствах. В этот момент в дверь осторожно постучали. Войдите. Появился камергер. Ваше величество, прибыли документы из Министерства императорского двора. Положите на стол. Он исполнил распоряжение, но, уже собираясь уходить, остановился. Простите... позволю себе заметить, что сегодня ваше величество выглядит гораздо бодрее обычного. Императрица с улыбкой посмотрела на меня. Это заслуга нашего мастера. Камергер почтительно поклонился. Рад это слышать. Когда дверь закрылась, я обратил внимание на лежащую рядом толстую книгу в кожаном переплете. Что это? Журнал моих ежедневных дел. Я раскрыл его. Каждый день был расписан почти по минутам: приемы, письма, аудиенции, визиты, благотворительные комитеты, семейные встречи. Я задумался. Ваше величество, позвольте внести одно изменение. Она с любопытством посмотрела на меня. Какое? Я взял карандаш и аккуратно поставил небольшую отметку возле каждого утра. Каждый день, независимо от погоды и занятости, один час принадлежит только вам. Мне? Да. Прогулка, гимнастика, отдых или чтение неважно. Но этот час никто не имеет права занимать без крайней необходимости. Императрица улыбнулась. Вы сейчас очень смело распоряжаетесь моим временем. Я распоряжаюсь не временем, а вашим здоровьем. Она рассмеялась. Хорошо. Один час каждый день принадлежит моему мастеру. Нет, ваше величество. Она вопросительно посмотрела на меня. Этот час принадлежит вам самой. Я лишь буду напоминать, что его нельзя отдавать никому. Она некоторое время молчала, затем тихо сказала: Знаете...за долгие годы никто не говорил мне таких простых вещей. Я закрыл журнал. Простые вещи чаще всего оказываются самыми важными. За окнами начинал опускаться вечер. Солнечные лучи золотили верхушки деревьев, а дворец постепенно готовился к очередному официальному приему. Императрица подошла к зеркалу, расправила плечи и неожиданно заметила: Кажется, сегодня я стою немного ровнее. Я внимательно посмотрел на ее осанку. Действительно, больное плечо уже не было так заметно опущено, а движения стали свободнее. Значит, сегодняшней день прожит не зря, сказал я. Она посмотрела на свое отражение и едва слышно произнесла: Впервые за долгое время мне захотелось строить планы на завтра. Неделя пролетела незаметно. Каждый день был расписан почти по часам, и вскоре весь дворец привык к новому распорядку жизни ее величества. Утро начиналось с раннего подъема. Затем следовали травяной настой, легкая разминка, гимнастика и прогулка по садовым аллеям. После завтрака императрица принимала министров, просматривала бумаги или занималась перепиской, а я в это время беседовал с Филиппом Яковлевичем Кареллем, составлял новые упражнения или следил за работой дворцовой кухни. Перед обедом мы вновь встречались. Я проверял движения плечевого сустава, проводил массаж, постепенно увеличивал нагрузку и внимательно наблюдал, как организм переносит лечение. Вечером нас ждала еще одна прогулка. Иногда мы выходили в сад, иногда просто медленно прохаживались по длинным дворцовым галереям, разговаривая обо всем на свете о путешествиях, книгах, людях и жизни. Постепенно исчезла скованность в движениях. Боль почти перестала беспокоить ее величество. Вернулся здоровый аппетит. Сон стал глубоким и спокойным. Даже придворные начали замечать перемены. Фрейлины уже не видели по утрам усталую женщину, жалующуюся на недомогание. Теперь им навстречу выходила энергичная

хозяйка дворца с живым взглядом и легкой улыбкой. Карелль тоже не скрывал удовлетворения. Александр Петрович, сказал он однажды, просматривая свои записи, если бы я не наблюдал все собственными глазами, то решил бы, что здесь произошло чудо. Никакого чуда нет, Филипп Яковлевич. Тогда что же? Постоянство. Организм любит порядок гораздо больше, чем самые дорогие лекарства. Доктор задумчиво кивнул. Пожалуй, вы правы. Изменения происходили не только с императрицей. Менялось и отношение дворца ко мне. Если в первые дни меня провожали настороженными взглядами, то теперь лакеи приветствовали с искренним уважением, повара заранее интересовались моими распоряжениями, а фрейлины уже не удивлялись, когда я без доклада входил в покои ее величества. Однажды за ужином императрица неожиданно отложила ложку и посмотрела на меня. Александр Петрович. Слушаю, ваше величество. Сегодня я поймала себя на мысли, что впервые за много лет с нетерпением жду завтрашнего утра. Почему? Она улыбнулась. Потому что знаю: завтра мы снова пойдем гулять, будем заниматься гимнастикой, а вы обязательно придумаете для меня какое-нибудь новое упражнение. Я невольно улыбнулся. Значит, лечение действительно приносит пользу. Она покачала головой. Вы снова ошибаетесь. В чем же? Вы научили меня не лечиться... а жить по-другому. Я задумался над ее словами. Пожалуй, лучшей награды за свой труд я и желать не мог.

Глава 26

Прошла неделя. И вот настал день, которого я одновременно ждал и опасался. Все это время я задавал себе один и тот же вопрос: не ошибся ли? Правильно ли выбрал путь лечения? Не навредил ли своей самоуверенностью? Утром ко мне вошел камергер. Александр Петрович, государь император желает видеть вас. Я молча кивнул. Пока шел по длинным дворцовым коридорам, сердце билось чаще обычного. Именно сейчас должна была решиться моя судьба. Меня ввели в рабочий кабинет императора. Я остановился у двери, вытянулся по-военному и поклонился. Ваше императорское величество. Император некоторое время внимательно рассматривал меня. Затем улыбнулся. Так вот вы какой... капитан Тушкин. Так точно, ваше императорское величество. Военная выправка, казалось, вернулась сама собой. Государь прошелся по кабинету. Говорят, вы поставили на ноги мою матушку. Я лишь помог природе сделать свое дело, ваше величество. Он лукаво прищурился. А не возьметесь ли и меня лечить? Я позволил себе едва заметную улыбку. Никак нет, ваше величество. Император удивленно поднял брови. Это еще почему? Потому что по образованию я не врач. Я всего лишь военный офицер, которому довелось многое увидеть в жизни. К тому же, добавил я с самым серьезным видом, моя нынешняя практика ограничивается исключительно почтенными дамами. Несколько секунд государь смотрел на меня молча. Потом громко рассмеялся. Смеялся искренне, от души. Давненько никто не отвечал мне подобным образом. Наконец он успокоился и подошел ближе. Это вы посоветовали матушке заняться благотворительными обществами, приглашать ученых, врачей и студентов, устраивать просветительские встречи? Так точно, ваше императорское величество. Он внимательно посмотрел мне в глаза. Зачем? Я ответил без колебаний: Вы стали императором и императрице надо было найти занятие. Человеку необходима цель. Пока человек чувствует себя нужным другим, он остается сильным духом. Я лишь хотел, чтобы здоровье ее величества опиралось не только на лекарства, но и на смысл каждого нового дня. Император несколько секунд молчал. Затем медленно кивнул. Масштабно мыслите, Александр Петрович. Он подошел к письменному столу, взял лежавший на нем футляр и повернулся ко мне. За проявленное усердие, за службу Отечеству и за заботу о моей матушке жалую вам орден Святой Анны первой степени. Он сделал небольшую паузу. И произвожу вас в чин полковника. Я почувствовал, как невольно расправились плечи. Сделав шаг вперед, четко ответил: Служу государю и Отечеству! Император собственноручно прикрепил знак ордена к моему мундиру и протянул руку. Благодарю вас, полковник Тушкин. В этот момент я понял, что самым ценным в этой награде были не орден и не новый чин. Главной наградой стало доверие, которое удалось заслужить не громкими словами, а ежедневным трудом. Император еще несколько мгновений

молча смотрел на меня. Затем подошел к окну. Знаете, полковник, произнес он задумчиво, последние годы матушка редко улыбалась. После кончины батюшки она словно утратила интерес ко многому. Мы приглашали лучших врачей, выписывали лекарства из-за границы, а толку было мало. Он повернулся ко мне. За эту неделю она изменилась. И дело даже не в том, что плечо перестало болеть. Она снова начала строить планы. Я молча слушал. Вчера она целый час рассказывала мне о каком-то обществе молодых ученых, которое хочет собрать при дворце. Потом говорила о помощи воспитательным домам, о лекциях для студентов, о мастерских для инвалидов войны... Император улыбнулся. Давненько я не видел ее такой увлеченной. Ваше величество, человеку необходимо чувствовать себя нужным. Именно это она мне и сказала. Почти слово в слово. Он подошел к письменному столу и, открыв один из ящиков, вынул папку. Есть еще одно дело. Я насторожился. Во дворце вы останетесь. Но исключительно придворной службой ограничиваться не будете. Он положил передо мной несколько бумаг. Ознакомьтесь. Это были донесения из военных госпиталей. Я быстро пробежал их глазами. Недостаток перевязочного материала, скученность раненых, отсутствие постоянного ухода за ветеранами... Я поднял голову. Понимаю. Нет, пока не понимаете. Император сел напротив. Мне нужен человек, который посмотрит на все это глазами солдата, а не чиновника. Человек, который не станет писать красивые отчеты, а скажет, что действительно нужно изменить. Я молчал. Вы ведь сами говорили, что на войне каждый солдат поневоле становится немного врачом. Я невольно улыбнулся. Было такое. Вот и займитесь этим. Он указал на бумаги. Объедете несколько госпиталей, поговорите с врачами, сестрами милосердия, ранеными офицерами и рядовыми. Не стесняйтесь спорить с чиновниками, если потребуется. Через месяц представьте мне доклад. Будет исполнено, ваше величество. Император поднялся. Только прошу об одном. Слушаю. Не бросайте матушку. Ее лечение необходимо продолжать. Я и не собирался. Он удовлетворенно кивнул. Вот и хорошо. В этот момент дверь кабинета приоткрылась. Адьютант доложил: Ваше величество, вдовствующая императрица просит принять ее. Император усмехнулся. Легка на помине. Просить ее войти? Разумеется. Дверь распахнулась, и в кабинет быстрым шагом вошла императрица. Увидев меня, она улыбнулась. Александр Петрович, вот вы где! А я уже велела искать вас по всему дворцу. Император с притворной строгостью развел руками. Матушка, боюсь, теперь ваш мастер принадлежит не только вам. Он только что получил новое поручение. Она посмотрела сначала на сына, потом на меня. Надеюсь, вы не собираетесь совсем отнять его у меня? Нет, ответил государь с улыбкой. Но, признаюсь, после ваших рассказов мне тоже захотелось воспользоваться его умением смотреть на привычные вещи немного иначе. Императрица торжествующе посмотрела на меня. Видите, Александр Петрович? Похоже, ваш круг пациентов начинает расширяться. Я поклонился. Лишь бы пользы от этого было больше, чем шума. Император рассмеялся. Вот именно за это я вас и ценю, полковник Тушкин. Вы умеете говорить просто о самых важных вещах.

Глава 27

«Вот он, рубеж», думал я, выходя из кабинета государя. На груди поблескивал орден Святой Анны, а на плечах лежали новые полковничьи погоны. Еще неделю назад я был всего лишь отставным капитаном, не знавшим, что ждет его впереди. Теперь же судьба открывала передо мной совсем другую дорогу. «Теперь можно расправить крылья», невольно подумал я. Вернувшись в свое крыло дворца, я наконец позволил себе сбросить накопившееся напряжение. Слуги уже успели привести кабинет в порядок, в камине потрескивали дрова, а на столе ожидал горячий чай. В дверь негромко постучали. На пороге появилась одна из молодых фрейлин императрицы. За последнюю неделю я не раз ловил на себе ее заинтересованный взгляд. Ваше сиятельство, произнесла она с легкой улыбкой, позвольте поздравить вас с высокой наградой и новым чином. Благодарю. Она присела в реверансе и протянула небольшой букет свежих цветов. От имени дам двора. Я принял подарок. И притянул ее к себе. Я обнял гибкое девичье тело. Времени на сантименты не было. Я развернул ее и задрал ей многочисленные юбки.

Она была покорна. Миленькая попочка. Белая кожа. Мне хватило трех минут чтоб ублажить себя. Потому что у меня было недельное воздержание. Передайте им мою признательность. Фрейлина задержалась еще на мгновение, словно ожидая продолжения разговора. Говорят, теперь вы один из самых близких к ее величеству людей. Я улыбнулся. При дворе слухи бегут быстрее людей. Она тихо рассмеялась. Это правда. Пожелав мне доброго вечера, фрейлина вышла. Уже в коридоре она остановилась у двери, обменялась с подругами лукавой улыбкой и, заметив мой взгляд, с озорством помахала рукой. Я лишь покачал головой. Похоже, вместе с новым чином и дворцовыми обязанностями мне предстояло привыкать еще и к повышенному вниманию со стороны придворных дам. К вечеру я, как обычно, пришел в покои императрицы. Она уже ожидала меня. Увидев меня в дверях, улыбнулась и поднялась с кресла. Желаете прогуляться, ваше величество? С удовольствием. Она привычным движением взяла обе трости, которые уже стали неизменной частью наших ежедневных прогулок. Я помог ей набросить легкую накидку и открыл дверь. Прежде чем выйти, она посмотрела на меня с лукавой улыбкой. А знаешь, Александр Петрович, я сегодня весь день наблюдала за тобой. Вот как? Грешным делом подумала, что после сегодняшнего разговора с государем ты пустишься во все тяжкие. Я вопросительно поднял бровь. Она тихо рассмеялась. Орден получил, чин полковника получил, особое поручение от императора получил... Я уж решила, что голова у тебя закружится. При дворе это случается со многими. Мы медленно вышли в сад. И что же вы увидели, ваше величество? Увидела, что ты остался таким же. Спокойным. Не побежал искать новых покровителей, не стал важничать перед придворными. Даже на поздравления отвечал так, будто ничего особенного не произошло. Я улыбнулся. На войне быстро понимаешь цену чинам и наградам. И какую же? Они лишь напоминают человеку о его долге. Если начинают напоминать о собственном величии значит, их носят напрасно. Императрица одобительно кивнула. Хорошие слова. Мы прошли несколько шагов по аллее. Она вдруг остановилась. Но все-таки одну шалость ты сегодня позволил. Я посмотрел на нее с удивлением. Какую же? Она прищурилась. Моя молоденькая фрейлина весь день сияла так, словно выиграла в лотерею. И смотрела на тебя так, будто получила самый дорогой подарок. Я невольно рассмеялся. Молодость любит строить догадки. Еще как любит, улыбнулась императрица. Завтра весь двор будет гадать, что же произошло. Пусть гадают. Иногда безобидные слухи отвлекают людей от действительно важных дел. Она тихо засмеялась. Пожалуй, ты начинаешь понимать придворную жизнь. Мы продолжили прогулку. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая верхушки деревьев золотистым светом. После долгого молчания я произнес: Ваше величество... Да? На особое поручение государя мы поедем вместе. Она удивленно остановилась. Вместе? Да, матушка. Государь поручил мне осмотреть несколько госпиталей и представить ему доклад. Но я хочу, чтобы эта поездка стала началом вашего нового дела. Вы увидите, как живут раненые солдаты, поговорите с врачами, сестрами милосердия, воспитанниками приютов. Не по донесениям, а своими глазами. Императрица долго молчала. Наконец она крепче сжала трость и тихо сказала: Знаешь... мне кажется, я начинаю понимать, зачем Господь привел тебя в этот дворец. Я слегка поклонился. Надеюсь, лишь оправдать доверие ваше и государя. Она улыбнулась. Тогда поедем вместе, полковник. Не как императрица и придворный, а как люди, которым небезразлично, что происходит за стенами дворца. На следующий день приготовления к поездке начались с самого утра. Во дворце это известие вызвало немалое удивление. Вдовствующая императрица редко покидала свои покои без особой надобности, а теперь сама распорядилась подготовить экипаж и предупредить начальника госпиталя о своем приезде. Я попросил лишь об одном: Ваше величество, пусть визит не будет слишком торжественным. Она вопросительно посмотрела на меня. Почему? Если предупредить заранее, люди будут готовиться к вашему приезду, а мне хотелось бы увидеть госпиталь таким, какой он есть каждый день. Она немного подумала. Разумно. К полудню карета уже ожидала у главного подъезда. Императрица вышла в простом дорожном платье, без обилия драгоценностей и придворного блеска. За ней следовали

только камергер, две фрейлины и небольшой конвой. Сегодня вы необычайно скромно одеты, заметил я. Она улыбнулась. Если мы едем смотреть на чужую беду, не стоит ослеплять людей золотом. Я помог ей подняться в карету. Дорога заняла около часа. Когда показались кирпичные корпуса госпиталя, я заметил, что двор почти пуст. Лишь несколько солдат, способных самостоятельно ходить, медленно прогуливались вдоль дорожек. Начальник госпиталя встретил нас у входа. Он явно не ожидал увидеть императрицу. Поспешно поклонившись, он произнес: Ваше императорское величество... Для нас великая честь... Императрица мягко остановила его. Сегодня без церемоний. Покажите нам госпиталь. Мы начали обход. В палатах стоял привычный запах лекарств, воска и свежего белья. Одни раненые уже шли на поправку, другие неподвижно лежали на койках, третьи сидели у окон, читая книги или письма от родных. Императрица здоровалась почти с каждым. Она не торопилась, внимательно выслушивала ответы и задавала простые вопросы. Откуда вы родом? Есть ли семья? Хорошо ли кормят? Сначала солдаты отвечали настороженно. Но вскоре поняли, что их действительно слушают. В одной из палат молодой унтер-офицер попытался подняться с кровати. Лежите, сказал я. Он смутился. Простите, ваше сиятельство... Перед государыней неудобно. Императрица сама подошла к его койке. Не ради поклонов мы приехали. Она присела рядом. Лучше расскажите, чего вам здесь не хватает. Солдат растерялся. Потом тихо сказал: Книг бы побольше... Да чтобы кто-нибудь грамоте учил тех, кто писать не умеет. Императрица посмотрела на меня. Я едва заметно кивнул. Запомнила, сказала она. В соседней палате пожилой фельдшер пожаловался на нехватку перевязочного материала и отсутствие специальных приспособлений для восстановления подвижности рук после ранений. Я внимательно осмотрел несколько самодельных устройств. Они были сделаны с большой выдумкой, но слишком грубо. Разрешите потом снять размеры? спросил я. Конечно. Думаю, мы сможем изготовить более удобные. Фельдшер благодарно поклонился. Когда обход закончился, мы вышли во двор. Императрица некоторое время молчала. Потом сказала: Александр Петрович... теперь я понимаю, зачем вы настояли на этой поездке. И зачем же? Она посмотрела на госпитальные окна. Во дворце слишком легко забыть, какой ценой достается спокойная жизнь. Я не ответил. Иногда достаточно увидеть все собственными глазами, чтобы самые правильные решения пришли сами собой. И, судя по выражению лица императрицы, именно это сейчас и происходило. К вечеру мы добрались до усадьбы графа Волконского. Широкая липовая аллея вывела экипаж к двухэтажному каменному дому с белыми колоннами. За домом раскинулся старый парк, а неподалеку виднелись хозяйственные постройки и небольшой пруд. У крыльца нас уже ожидал сам хозяин. Высокий, сухоощавый старик с живыми глазами быстро спустился навстречу. Ваше императорское величество! Для моего дома великая честь принимать вас. Он почтительно поклонился. Императрица приветливо улыбнулась. Полноте, граф. Сегодня мы приехали не ради церемоний, а погостить у старого друга. Граф просиял. Его взгляд остановился на мне. А это, стало быть, тот самый полковник Тушкин, о котором уже судачит вся Москва? Он самый, ответила императрица с улыбкой. Только не вздумайте хвалить его слишком сильно. Иначе совсем загордится. Я поклонился. Боюсь, ваше величество, до этого еще далеко. Вот за эту скромность, засмеялся Волконский, вас, кажется, и полюбили при дворе. Мы вошли в дом. Несмотря на почтенный возраст хозяйина, в усадьбе царил образцовый порядок. В библиотеке горел камин, стены украшали портреты предков, а на столиках лежали последние журналы и иностранные газеты. После недолгого отдыха граф пригласил нас к ужину. За столом разговор быстро перешел от придворных новостей к делам хозяйственным. Вот уже который год, говорил Волконский, ломаю голову над тем, как удержать молодых людей в имении. Все стремятся в столицу. Я внимательно слушал. А что есть в вашем уезде? спросил я. Земля хорошая, леса, мельница, кирпичный заводик... Да только молодежь считает все это скучным. Потому что им не дают почувствовать себя хозяевами дела, ответил я. Граф заинтересованно подался вперед. Продолжайте. Если молодой человек отвечает лишь за исполнение приказов, он рано или поздно уйдет туда, где, как ему

кажется, его ждет больше свободы. Но если доверить ему настоящее дело, позволить принимать решения и видеть результат своего труда, он иначе посмотрит и на службу, и на жизнь. Императрица, молча слушавшая наш разговор, улыбнулась. Граф, будьте осторожны. Стоит этому человеку начать рассуждать, и через час вы уже перестраиваете всю свою усадьбу. Волконский громко рассмеялся. А знаете, ваше величество, пожалуй, я не против. Старикам иногда полезно послушать молодых... или тех, кто умеет думать как молодой. За окнами медленно сгущались сумерки. Я посмотрел на императрицу. Она выглядела удивительно бодрой. После дороги не жаловалась на усталость, свободно двигала плечом и с живым интересом поддерживала разговор. Карель оказался прав. Лекарства помогли. Но еще больше ей помогло то, что впереди снова появилась цель, ради которой хотелось просыпаться каждое утро.

Глава 28

После ужина граф Волконский предложил пройти в библиотеку. Это была просторная комната с высокими окнами и шкафами из темного дуба, заставленными книгами. На стенах висели карты губерний, несколько старинных гравюр и портреты предков. Граф разлил чай. Ваше величество, давно в моем доме не было такого оживленного вечера. Императрица улыбнулась. Дорога оказалась полезнее многих придворных приемов. Он взглянул на меня. Полковник, признаюсь, мне любопытно. Вы ведь человек военный. Откуда у вас такая любовь к хозяйству, медицине, образованию? Я немного помолчал. На войне быстро понимаешь цену каждой профессии. Солдат без кузнеца останется без подков, без плотника без моста, без мельника без хлеба, без лекаря без надежды. Государство держится не только армией, а трудом каждого человека. Старый граф одобрительно кивнул. Хорошо сказано. Императрица добавила: Именно поэтому я и решила показать ему не только дворец, но и людей за его стенами. Тогда завтра я покажу вам свое главное богатство, оживился он. Конюшню? с улыбкой спросила она. Нет. Оранжерею? Тоже нет. Он сделал небольшую паузу. Школу. Я удивленно посмотрел на него. Вы содержите школу? Уже пятнадцать лет. Для крестьянских детей. Учим грамоте, арифметике, Закону Божию, а еще ремеслам. Не так широко, как хотелось бы, но начало положено. Императрица заинтересованно подалась вперед. Почему я ничего об этом не знала? Граф смущенно развел руками. Не считал нужным докладывать. Делал это для себя, а не ради похвалы. Я невольно улыбнулся. Значит, завтра у нас будет насыщенный день. Именно так, ответил граф. Сначала школа, потом больница при имении, а после покажу мастерские. Императрица посмотрела на меня. Александр Петрович, кажется, вы нашли еще одного единомышленника. Скорее, ваше величество, это мы нашли человека, который давно делает доброе дело без лишнего шума. Бестужев смущенно махнул рукой. Полноте. Сделал бы больше, будь помоложе. Возраст редко мешает добрым делам, спокойно ответила императрица. Скорее наоборот, учит выбирать действительно важное. Разговор затянулся до позднего вечера. Обсуждали сельское хозяйство, училища, госпитали, положение отставных солдат и то, как можно помочь семьям погибших офицеров. Я с интересом наблюдал за императрицей. Еще неделю назад она быстро уставала от долгих бесед. Теперь же сама задавала вопросы, спорила, предлагала идеи и внимательно слушала ответы. Когда часы пробили одиннадцать, я поднялся. Ваше величество, на сегодня достаточно. Она взглянула на меня с легким укором. Опять командуете? Сегодня мы много ездили и долго сидели. Завтра нас ждет не менее насыщенный день. Граф засмеялся. Теперь понимаю, кто в этой компании главный. Императрица тоже рассмеялась. Не главный, граф. Просто мой мастер очень не любит, когда его пациенты нарушают режим. И, как вижу, совершенно справедливо. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам. Перед тем как лечь спать, я открыл окно. Над усадьбой стояла удивительная тишина. Где-то вдалеке стрекотали сверчки, от пруда тянуло прохладой, а в темном небе ярко мерцали звезды. Завтра предстояло увидеть еще одну сторону жизни России не дворцовую, а ту, которой жило большинство ее подданных. И именно ради этого, как мне казалось, государь и отправил нас в путь. Дом постепенно затихал. В коридорах гасили свечи, слуги расходились.

лись по своим комнатам, а над усадьбой воцарилась ночная тишина. Сон почему-то не шел. Я вспомнил, о веселом нраве своих молодых фрейлин, и, повинувшись внезапному порыву, направился к их гостиной. Осторожно постучал. Дверь приоткрылась, и из-за нее выглянула одна из девушек. Полковник? В такой час? Не спится, сударыни. Не желаете сыграть в шарады? Фрейлина удивленно распахнула глаза. В шарады? А что это такое? Сейчас покажу. Через несколько минут в небольшой гостиной уже собрались. Я принес бутылку шампанского, оставшуюся после ужина, и несколько бокалов. Правила просты, объяснил я. Один загадывает слово и показывает его без единого звука, а остальные пытаются угадать. Как в домашнем театре! воскликнула одна из фрейлин. Почти. Первой вызвалась самая бойкая из девушек. Она принялась изображать важного генерала, так старательно выпячивая грудь и подкручивая воображаемые усы, что все разразились смехом. Следом другая пыталась показать гувернантку, потом садовника, затем придворного лакея. Каждая новая шарада становилась смешнее предыдущей. Шампанское понемногу исчезало из бокалов, разговоры становились громче, смех искреннее. Я тоже не остался в стороне и изобразил старого ворчливого профессора, который никак не мог найти собственные очки, хотя они все время лежали у него на лбу. Девушки хохотали до слез. Полковник, да вы настоящий артист! сквозь смех проговорила одна из них. Нет, просто жизнь научила иногда смеяться над самим собой. Время пролетело незаметно. Когда часы в гостиной пробили далеко за полночь, одна из фрейлин устало опустилась в кресло. Кажется, мы проиграли сну. И, пожалуй, пора заканчивать, согласился я. Разговор постепенно стих. Кто-то уже зевал, кто-то собирал карточки с загадками, кто-то тушил свечи. Я опустился на небольшую кушетку у стены. Только на минуту закрою глаза... Последнее, что я услышал перед тем, как уснуть, был тихий девичий смех. Тише... Не будите полковника. Пусть хоть сегодня отдохнет. Кто-то заботливо укрыл меня пледом. Дом окончательно погрузился в сон. Но я не спал. И был вознагражден. Одна из фрейлин вернулась. Вы не спите спросила она осторожно. Я схватил ее за руку и увлек к себе. Она не сопротивлялась. После поцелуя я повел ее к себе в спальню. Раздев ее я просто любовался молодым телом. Она нетерпеливо привлекла меня к себе. Она осталась до утра. Утром я еще раз попробовал молодого тела и отпустил ее. Проснулся я позднее обычного. Солнечные лучи уже пробивались сквозь тяжелые портьеры, а в саду всюду щебетали птицы. Вспомнив вчерашний вечер и веселые шарады, я невольно улыбнулся. Быстро приведя себя в порядок, я направился в покои императрицы. Она уже ожидала меня. Доброе утро, Александр Петрович, приветливо сказала она. Похоже, вчера вы тоже решили немного отдохнуть. Иногда отдых не менее полезен, чем работа, ваше величество. Она улыбнулась и взяла свои трости. Тогда начнем день как обычно? Непременно. Мы вышли в сад. Утренний воздух был свеж и прохладен. На траве еще лежала роса, а старые липы отбрасывали длинные тени на дорожки парка. Сначала мы медленно прошли привычный круг, постепенно увеличивая шаг. Затем остановились на небольшой поляне, где я провел с императрицей комплекс упражнений для плечевого пояса и спины. Она уже гораздо увереннее выполняла движения. Боль почти исчезла, с удовлетворением сказала она, свободно поднимая руку. Это хороший признак. Но прекращать занятия пока рано. Главное теперь закрепить результат. После разминки мы еще немного прогулялись вдоль пруда и только затем вернулись в дом. За завтраком граф внимательно наблюдал за императрицей. Ваше величество, заметил он, признаться, вы выглядите сегодня так, словно помолодели на несколько лет. Она рассмеялась. Не преувеличивайте, граф. Нисколько. Даже походка изменилась. Императрица с улыбкой посмотрела на меня. Это заслуга моего строгого наставника. Я лишь развел руками. Заслуга прежде всего вашей дисциплины. После завтрака слуги уже укладывали дорожные вещи в экипажи. Граф проводил нас до крыльца. Буду счастлив вновь видеть вас в своем доме. Благодарю за гостеприимство, граф, ответила императрица. Мы увозим с собой не только добрые воспоминания, но и несколько полезных идей. Я крепко пожал хозяину руку. Надеюсь, наша следующая встреча состоится уже после того, как вы покажете нам свою обновленную школу. Старый граф улыб-

нул. Обещаю, к тому времени она станет еще лучше. Лошади тронулись. Усадьба постепенно скрылась за поворотом дороги, а впереди нас ждал следующий этап путешествия. Император поручил нам увидеть жизнь страны своими глазами, и впереди было еще немало мест, где требовались не громкие слова, а внимательный взгляд и желание принести настоящую пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.